

ПОТЕРЯ ПОТЕРИ

Избранные стихи 60х, 70х, и начала 80х годов

Издание второе,

исправленное и значительно

расширенное

ПЕРЕВОДЫ

из суфийской поэзии

Зинаида Миркина

e v i d e n t i s

МОСКВА

2001

Из предисловия Александра Зорина к переизданию самого первого сборника Миркиной - ПОТЕРЯ ПОТЕРИ.

ОЧЕВИДНОСТЬ НЕВИДИМОГО

Поэзия Зинаиды Миркиной как бы насыщена воздухом горных вершин. И вместе с тем она проста, лишена всякой изысканности. Это разговор с Богом, перед которым нелепо прихорашиваться, перед которым смолкают наши взаимным счеты, наша ирония. Она признается Ему в любви, просто и открыто говорит о главном, о чем многие не решаются говорить. Может показаться, что эта беседа односторонняя, не диалог, а монолог. Но душа слышит, вслушивается, причастная великому безмолвию соединенных меж собою звезд, чей удел светиться сквозь молчанье и тайное единство возвещать". Внутренняя тишина предшествует молитве. Она -- первое условие богообщения. Кто молится, тот знает, как трудно порой сосредоточиться, отключится от суетных мыслей, как трудно обрести внутреннюю тишину, которую Зинаида Миркина понимает как

дар смирения. Все внешнее, поверхностное, разрозненное должно смириться перед внутренним, глубочайшим -- Единым. Преклонить колени для поэта "так же важно, как дышать".

Так пишутся эти стихи: сначала в молчании и поверить, а потом уже, собственно, акт творчества, когда "родится слово и забрезжит свет".

Шарль де Фуко (брат Шарль), основатель деятельных христианских братств, вспоминал, что в детстве его учили вслушиваться в тишину. Гуляя с дядькой по лесу, они молчали... Может быть в этом терпеливом вслушивании и родился будущий подвижник, безошибочно определивший нужды нашего шумного большого века. Труд поэта -- подвижнический труд. Особенно если стихи складываются как молитва, направленная в зенит без всяких сомнений и околичностей. Жизнь в ее неуследимой сложности -- единый процесс, не прерываемый смертью. Она имеет притягательную собранность кроны. Ветвистая и разноголосая, она удерживается единством творческого замысла, который художнику понятен, может быть, как никому другому.

Беспокойная ("ненасытная") человеческая душа мечется до тех пор, пока "ее не наполнит Дух Святой". То же самое говорил Иисус самарянке, пришедшей за водой к колодцу: "Кто будет пить воду, которую дам ему, тот не будет жаждать вовек" (Ин. 4,14). Стихотворения Зинаиды Миркиной пронизывает христианская духовность. Однако своего неизменного собеседника она не называет по имени, а иногда и подчеркивает, что при всей вере в Него, Он остается непостижимым и неведомым Богом, которого проповедовал апостол Павел набожным афинянам. Это призыв к смирению разума, к согласию на великую Тайну, которую нельзя знать извне, которой можно только причаститься изнутри. Ум имеет дело с внешними объектами и только сердце -- с внутренней бесконечностью мира. "Лишь только умаление ума и разрастанье сердца..." Только тогда приходит успокоительная ясность. Эта поэзия близка к молитвословию, искусству, более всего раскрытому в псалмах Давида. Такое откровение и постоянство может пробудить только личностный Бог, узнаваемый "в лицо", черты которого никогда не застывают и смысл которого неисчерпаем.

Духовный опыт автора этих стихов накапливался в смирении, в умении вынести всю тяжесть мира, не теряя своего "я". Ее кредо -- "быть и быть наперекор всему". Это о ней почти три тысячи лет назад сказал псалмопевец: "Князья сидят и

сговариваются против меня, а раб Твой размышляет об уставах Твоих" (Пс. 118, 23).

Александр Зорин

Эта книга не была бы издана без постоянной помощи Александра Хабинского, которому я от всего сердца благодарна. Он из тех читателей, которые становятся почти что соавторами -- делят жизнь и судьбу моего слова.

3. Миркина

ЧТО ЗНАЧИТ "Я"?

Камин из пня. Костер -- пещера.

Жар мягкий в воздухе ночном.

Углей мерцающих химеры

И шепот ветра ни о чем.

И шепот ветра, шорох бездны...

Так неужели вечность -- мгла?

Так неужели я исчезну,

Уйду совсем, сгорю до тла?..

И будет свет мерцать, змеиться,

В безмолвьи красном жар тая,

И будет вечер, будут лица,

И будет лес, --

А я?.. а я?..

Сгоревший уголь, пепла груды --

И тишь вокруг, и тишь в крови...

А я тогда себя забуду,

Совсем забуду, как в любви.

Когда вся тяжесть -- пух лебяжий,

Не давит больше плоть моя;

Когда душа уже не скажет,

Не всхлипнет вдруг: "А я? А я?"

ЭЛЕГИЯ

Что значит "я"?

Да, у меня есть имя

И даже это званье -- "человек".

Но все -- слова, а что все это значит?

Есть в мире лес. Есть сосны над оврагом

Есть путаница веток молодых,

Бессмыслица звенящих трелей птичьих

И безымянность неба, безымянность такого

счастья!..

Кто ему даст имя? Кто даст невыразимости
слова?

Заговорите, сосны! И сосна заговорила.

Я и есть сосна заговорившая вот эта.

Заговорившая, но все-таки сосна... сосна!

Сосна

И путаница веток, бессмыслица звенящих
трелей птичьих

И это небо --

вот, что значит "я".

Не дай Господь вдруг отделиться слову

От древнего значенья своего.

Я без сосны всего лишь звук пустой,

Так, скорлупа сухая без ядра.

О, сколько скорлупы самодовольной вокруг!

А сосны над оврагом --

безмолвствуют. И птицам не пробиться сквозь

толщу слов,

Сквозь отверденья эти -- внутрь, в жизнь...

О птицы, птицы! Птицы!

Словам понравилось бряцать друг перед

другом и красоваться.

Не пора ли им замолкнуть?

Ведь даже и скромнейшие слова, прозрачные,
исполненные смысла,

И те -- слова, а все слова -- сотрутся.

И будут только сосны над оврагом,

И путаница веток молодых,

И безымянность неба, безымянность глубин
последних.

Там, в глубинах, жизнь -- безмолвствует...

Когда слова начнут стираться и путаться,

Я тихо прислонюсь к моей сосне,

К моей земле весенней

И -- замолкну.

А ты заплачешь, решив, что нет меня,

и будешь

искать, и биться, и кричать, и звать.

Родной мой, милый, как мне жаль тебя

И как мне хочется тебя утешить...

Но почему ты не сумел тогда, еще тогда, когда

слова звучали,

В меня взглянуть сквозь все слова

До самых этих сосен над оврагом

И путаницы веток молодых?

Тогда бы больше не было разлук
для нас с тобой,
И ты б узнал, что значит загадочное
это слово -- "смерть", --
Уход к своим корням и тайна встречи
с самим собой...

Не знаешь? Не можешь знать?
Ну что же, плачь тогда.
Плачь, плачь еще, покуда не родится
Из плача песнь
И, может быть, она введет тебя к тем соснам
над оврагом,
И к путанице веток молодых,
И к птицам с их бессменным ликованием...

Ликованье! Ликованье
Голосов весенних --
Это внутреннее знание,
Внутреннее зренье.

Это -- воздыманье вала
Через все пределы.
Жизнь сама себя познала

И -- захлеб запела.

Когда у сердца нет границ,
Все знание лучей и птиц,
Все знание ручьев и трав
Вливается в его состав.
И сердце вещее тогда,
Как будто вешняя вода,
Как тающее естество,
Звенит про Бога своего.

Не спрашивайте -- есть ли в мире Бог?
А только: есть ли я? Я -- промельк, пена?
Или мой жар сердечный мир прожег
И светом стал без тени и без тлена?
Кого спросить мне? Кто мне даст ответ
о нас самих? И чья это забота?
Если меня на самом деле нет,
Что мне с того, что существует кто-то
другой... чужой... Он безразличен мне,
Как я ему... Но если в глубине
моей живет незыблемое "Я",
то пусть ответит глубина моя...

Кушнеру

Не нужен общий замысел? Ну, да,
Я тоже так считаю... Он не вправе
быть, тот, кто от участия, от труда
совместного с Собою нас избавит.
Кто действует за нас, помимо нас;
Тот, для кого мы -- винтики и числа...
Но если Он есть тайна наших глаз,
Невычисленность мирового смысла,
Который исчисляется, пока
трепещет и пульсирует под кожей,
И без единственного волоска,
без тени этой обойтись не может?..

Остановись... И ты тогда заметишь,
как легкий лист задумчиво повис
на тонком черенке. Июльский ветер
чуть-чуть качнул его... Остановись...

Замри вот здесь... Ведь началась с начала
сейчас, с минуты этой жизнь твоя.
Есть лес и небо. Ничего не стало.
Есть только лес и облако... А я?

Не знаю, где я, но и знать не надо --
Все долгое свечение зари,
весь этот лес теперь не просто рядом,
я словно вижу это изнутри.

Вон из того мелькнувшего просвета,
Из глубины, из сердца бытия --
Все то, что просквозило между веток,
И вздрагивает в каплях -- это я...

А я и есть сосна. Сосна есть я.
Я это не однажды говорила.
Не мной душа кончается моя,
И не во мне моя таится сила.

И эта тайна до того проста,
что, кажется, ее и вовсе нету,
А есть лишь трепет легкого листа,
Да шум сосны, да переливы света.

И все. А Бог? А что такое Бог?
Да просто Тот, Кто разомкнул границы,
Кто уместиться сам в себе не смог,

Тот, Кто ни в ком не может уместиться.

Кто обладает миллионом глаз,
милльёном рук, планет и звезд и все же
Не может жить без каждого из нас,
Без нас с тобою обойтись не может.

И есть такой неведомый закон, --
небесный счет неслитанных усилий:
Мы умираем, чтоб не умер Он.
А Он бессмертен, чтобы все мы жили.

Как точен счет, как вывод строг
неумолимого закона:
Нужна не часть, а целый Бог,
чтоб дуб один расправил крону.

Чтоб до лилово-сизых туч
вершина темная достала,
чтоб стал он, словно Зевс, могуч,
нужна не часть. Тут части мало,

Не часть, а всё. Бог нужен весь,
Чтоб взмыла ввысь одна лишь птица.

В единый миг сейчас и здесь
Должна вся вечность уместиться.

Всё, что ни сделаешь, кроша
На части мир, всегда некстати.
Чтоб родилась одна душа,
Всего Себя вложил Создатель.

И потому при слове "Бог",
При первых же раскатах Слова, --
Дух собран весь, Дух все возмог,
Всего себя отдать готовый.

-- А после-то, а после что ж?
-- А после -- лес, а после -- дождь,
А после -- ветер и река,
А после -- эти облака.
Как ночь приходит после дня,
Так вам -- мой дух после меня.
Весь запах трав, весь птичий гам,
Все небо я оставлю вам.
-- Но это было здесь всегда...
Была земля, была вода,
Был ветер, дождь, листва и свет --

Все это вечно было.

-- Нет.

И океан был прежде сух.

И прежде сосен был их дух.

И много прежде бытия

Земли и неба было "Я".

Нет, я от вас не уйду, друзья,

Но вы есть вы, а сосны -- это я.

Да, вы есть вы и твердою стеной

Вы каждый миг разделены со мной.

А целый лес, все небо -- это я.

Перегородок нет у бытия.

И если ни береза, ни сосна

со мной не может быть разделена,

так неужели всем открыт Бог

меж нами станет воздвигать порог?

Но если Бог от сердца отделен,

то я не я и Он не Он.

А вы забудьте обо мне,

Не думайте, не надо...

Мелькнула птица в вышине,

Пустых пространств прохлада...

Зачем вам я? Остался бор,

Задымленные горы

И непостижный тот раствор

Всей радости, который

Зовется речкой... и травой,

И лесом... Сохраните

Блеск неба, запах влажных хвой

И тоненькие нити

Берез. Луча косога вздрог

В скрещеньи черных веток...

А сердце... Сердце лишь пучок

Из трав, земли и света.

И невозвратных нет потерь --

Миры остались с вами.

Пучок распался? Что ж, теперь

Его свяжите сами.

Качнулся лист сырого клена

И тихо дождь зашелестел.

Душа живет иным законом,

Обратным всем законам тел.

В ней нет земного тяготенья

И страха перед полной тьмой.

Ей все потери -- возвращенья

Издалека к себе самой.

О, эти тихие возвраты!

Листы летят, в глазах рябя...

И все обрывы, все утраты

Есть обретение себя...

Придти в себя, чтоб в тишине

Сам Бог приблизился ко мне,

Чтоб отражение Его

Взошло из сердца моего.

Придти в себя, чтобы стеной

Никто не встал меж Ним и мной,

Чтобы на глади бытия

Взошло нетронутое "Я".

Не раздробляясь, не рябя...

Как высь в моря, придти в себя...

Бог не терпит других. Он один навсегда.

Вся безмерность -- Его.

Тихо небо качает морская вода.

Никого.

Оглянись -- лиловатые дали чисты,

Берег -- тих.

Все, что видишь и слышишь вокруг -- это ты,

Нет других.

И затихла, как разом прервавшийся спор,

Боль твоя.

Не дробится душа, не раздроблен простор --

Ты есть я.

Мы не два, а одно. Ты есть я, я есть он.

Как ясны зеркала!

И та гладь, что разбилась в начале времен,

Вновь цела!

Что значит счастье? Счастье -- это

Не я. -- Исчезновение "я".

Совсем чиста душа моя,

Совсем порожняя посуда,

В которую втекает чудо

Из половодья бытия.

"Не я, не я", а только это

Сплошное половодье света,
Наплыв проточного огня.
Есть только он, и нет меня!

Вопросы? Но к чему вопросы,
Когда костер души разбросан
По всем мирам, и угольки
Его то здесь, то в поднебесьи, --
То звездной россыпью, то смесью
Лесов весенних и реки!..
О, этот ветер меж мирами,
Раздувший маленькое пламя
Души за страны, за края!
Великий ветер благодатный --
Мой дух... Так этот необъятный
И вездесущий -- это я?!

Я емь орган, но органист не я.
Во мне волна Его святого хмеля.
И тот разрушит песню бытия,
Кто нас смешает или нас разделит.

По клавишам бесчисленным скользя,
Он трогает мои живые раны.

Я есмь орган, но мне самой нельзя
Дотронуться до клавишей органа.

Я есмь орган. Но лишь Создатель мой,
вдохнув свой дух, играет на органе.
Я -- глубь и тайна для себя самой,
Я оживаю от Его касаний.

Вот Он пришел -- предвечный органист.
О, это свет, вонзенный в темень ночи!
Да будет звук мой первоначально чист,
Чтоб передать все то, что Он захочет.

В бескрайнем мире -- только Ты и я.
Во мне -- волна божественного хмеля,
И тот разрушит песню бытия,
Кто нас смешает или нас разделит.

Бог кричал.
В воздухе плыли
Звуки страшней, чем в тяжелом сне. --
Бога ударили по тонкой жиле,
По руке или даже по глазу --
по мне.

А кто-то вышел, ветрам открытый,
В мир, точно в судный зал,
Чтобы сказать Ему: Ты инквизитор!
Не слыша, что Бог кричал.
Он выл с искаженным от боли ликом,
В муке смертельной сник.
Где нам расслышать за нашим криком
Бога
живого
крик?

Нет. Он не миф и не житель эфира, --
Явный, как вал, как гром, --
Вечно стучащее сердце мира,
То, что живет -- во всем.

Он всемогущ.
Он болезнь оборет, --
Вызволит из огня
Душу мою, или взыв от боли,
Он отсечет меня.

Пусть.
Лишь бы Сам, лишь бы смысл

Вселенной

Бредя, не сник в жару...

Нет! Никогда не умрет Нетленный --

Я

за Него

умру.

Не иудеи -- иудея,

Не дети женщин -- сына девы,

Не Иисуса Назорея,

А то, что там, меж ребер, слева...

Не Бога и не страстотерпца,

Разверзшего покров могилы,

Распяли собственное сердце

За то, что билось и томило.

За то, что ныло и болело,

И порывалось вон из клетки,

Куда-то в вечность, за пределы,

Очерченные телом этим.

За то, что называло князем

Не князя мира (ком из глины),

За чувство тайной острой связи
С Незримым, Жгучим и Единым.

За это вечное волнение
Перед немым и непостижным,
И своевольное стремление
Назвать неведомого ближним.

За то, что световые пятна
Ему чертили путь и сроки,
За этот трепет непонятный
От прикасання звезд далеких.

Не чудотворца -- страстотерпца,
Ушедшего в провал столетий,
Распяли собственное сердце,
И жили, смерти не заметив.

О нет, душа моя -- не я,
Душа моя -- совсем иное,
Не то листва, не то струя,
Не то пронизанное мною
Пространство, легкое, как сон,
Где ни пространств и ни времен.

Как липа, ветки наклона,
Так, как закат в свои объятия, --
она вбирает всю меня,
А я не в силах -- рук не хватит.
Мое блаженное бессилье,
Когда в томлении по ней,
Бессмертной -- по душе своей --
Себе отрицываю крылья...
Не то листва, не то струя...
Не то, не та -- опять иная...
И знает столько, сколько я
За сотню жизней не узнаю.

Ни знаний у меня, ни прав.
Но как хотела б в ней пропасть я,
И все на свете потеряв,
Найти единственное счастье:
Тот аромат, тот звук, тот свет, --
Нет, новое -- не то -- иное:
Любовь, в которой больше нет
Различий между ней и мною.

* * *

Я со своей душою повстречалась,
Она была в зеленом, синем, белом

И мягко золотилась, и сияла, и пахла лесом.

Ты скажешь, не имеет душа

Ни запаха, ни цвета?

Неправда, все имеет!

Но это все, как дым, неуловимо.

Оно всплеснет, и манит за себя

Куда-то вдаль,

Во что-то, что огромней ее самой

И запаха и цвета не имеет.

Но нас лишь только цвет введет

в бесцветность

Немую, именуемую "свет".

Я со своей душою повстречалась

Она была в зеленом, синем, белом,

И мягко золотилась и звучала,

Как птичья песнь, как иволги призыв,

Как соловьиный расплеск, как кукушка,

Пронзившая единым звуком даль.

Она меня звала, звала, звала...

И так безмерно радовалась встрече!

И только на мгновение грустила,

Когда ее пыталась я назвать по имени.

Она меняла имя.

Меняла песнь, меняла запах, цвет,

Меняла облик вдруг и ускользала
Дымком печальным, жалобною тенью,
И ниоткуда вдруг меня звала.
И если, вздрогнув, узнавала я
И говорила: "Ты!". -- Она ликуя
Вдруг представала в синем и зеленом,
В лиловом, белом, и сосной вставала,
И иволгой свистела надо мной.
О, песня иволги в лесу сосновом!

Невнятность...
То, чему не внимлет
Ум. -- Не вмещенное в уме.
Что топит образ, топит землю
И в тьму идет, и длится в тьме.
Взор погашающее пламя,
Тот свет, в котором так темно...
То, что включает нас, а нами
Не может быть заключено
В черты. О, радость страстотерпца,
Того, кто вычеркнут и стерт!
Струной трепещущее сердце,
Входящее в такой аккорд!..

Увековечено мгновенье. --
Прорыв к последней высоте.
И скал взлетевших откровенье
Есть откровенье обо мне.
И если здесь одна стихия
И бездуховен гребень сей,
И эти линии святые --
Нагромождение камней,
А не следы великой тайны,
Не Духа реющего след;
И все бездушно и случайно, --
То и в сем теле Духа нет.
Но если Карадаг изваян
Резцом из сокровенной мглы,
То каждая скала -- живая,
А я -- лицо и мысль скалы.

И нам вовеки не понять
ни высших замыслов, ни целей...
И вновь приходит благодать,
Как только мысли присмирели.

И вновь приходит тишина,

Как вздох глубокий, без причины,
И зелень леса пронзена
Огнем зардевшейся рябины.

Как будто мы вошли в костер,
И в нем горим и не сгораем.
И края нет -- сплошной простор,
И мы уже за нашим краем.

Как бы завеса вдруг снята --
Открылось самое святое:
Не просто рядом красота, --
мы сами стали красотой.

Такой в душе у нас прибой
любви, такое бескорыстье!..
И кто отделит нас с тобой
От этих чуть дрожащих листьев?

И кто придумал, кто сказал,
Что я не лист, не ствол, не птица?
И потому бежит слеза,
Что нам в себе не уместиться...

Побудь со мной в тот самый трудный час,
Когда сквозь мир просвечивает пламя,
Когда с меня проникновенных глаз
Не сводит свет, прощающийся с нами.
В тот самый час, когда малейший вздрог
Уже подобен громову звуку,
Когда весь мир на это сердце лег,
Как яблоко в протянутую руку.
Последний зов... последняя труба...
И где-то на весах у Миродержца
В такой тиши решается судьба
Всех лепестков и всех движений сердца!
Весы дрожат... дрожат и -- наконец,
Сейчас!.. сей час... Так вот он, час мой судный!
Но кто же я -- ответчик иль истец?
И почему мне так блаженно трудно?
Побудь со мной у этого Огня...
Вот так с небес из своего далёка
Вот так когда-то Бог позвал меня
С Ним разделить такую одинокость!

Мы призваны объять себя.
В сердечной тьме и тьме надзвездной
Почуять внутреннюю бездну,

И, Дух на части не дробя,

Расправив грудь, остановиться

У неожиданной границы.

Черта. Здесь внешний человек

Кончается. Окончен бег

От самого себя. И вдруг

Сомкнулась бесконечность в круг.

После 2)ой симфонии Шнитке

Шум моря.

Шум Неведомого.

Мрак

Еще не появившегося дня.

Шум шири.

Шепот.

Шелестенье.

Шаг

Не отступающего от меня.

Надвинувшийся в пустоте самум.

Обрыв пути. Дыханья перерыв.

Домирный хаос, довременный шум --

вздых вечности, сдувающей миры.

Сейчас...

Сейчас...

Грядущий -- рядом.

Вот

Он появился. Он пришел.

Аминь!

Все, канувшее в никуда -- грядет

И неотступно требует:

прими!

Все стены -- навзничь!

Все дома малы!

Для этих звуков не родились уши.

И падают гигантские валы,

Как капли жизни на сухую душу.

Грозами раздвигается покой

До всех и все вмещающего круга.

Я -- только глина под Твоей рукой.

Я -- лишь земля, раздвинутая плугом.

Со всех небес и с мирового дна

Ты собираешь капли и частицы.

О, Боже мой, как я Тебе нужна!

Как смела я хотя б на миг укрыться?!..

Все дальше, дальше... Так далече...

Так отрешен вечерний свет!..
И вот, все сердце занял вечер,
И от него спасенья нет.
И тянется от самых окон
Такая бездна бытия,
что остается сбросить кокон
И вдруг понять, что Я -- не я.

* * *

Есть чувство "Я". Оно встает,
Как солнце из бескрайних вод.
Из океана бытия --
Мое немерянное "Я".
Ты -- только ты. Он -- только он.
А этот колокольный звон,
А этот световой набат
Сзывает внутрь всех подряд.
Врывается в земную грудь
Неумолкающее "Будь!",
Огонь негаснущей зари,
всходящей только изнутри.

БОЛЬШАЯ ЭЛЕГИЯ

1.

Мы не кончаемся в пространстве,

Как и во времени.

Есть что-то,

Что, начинаясь в этой точке "я",

Уходит постепенно в бесконечность.

Мы продолжаемся, как длится звук

И свет, -- великой трепетной волною --

Волна к волне и -- новая волна.

Душа, как звук и свет. Но волны Духа

Стократ неуловимей и бесплотней,

И только на какое-то мгновенье

Сгущаются вот в этот плотный ком.

Так, как бутон, что должен развернуться

И, источая тонкий аромат,

Проникнуть в даль, и в высь, и внутрь куда-то...

О, нет, мы не кончаемся в пространстве,

Как и во времени!

Само пространство

И время -- это только переход

В еще не представимое "куда-то",

Которое звучит, как "никуда".

Ничто, что временно и постижимо,

туда не входит

Но ведь мы идем...

Идем...

И, начинаясь в этой точке "я",

Уходим постепенно в Бесконечность.

2.

"я" исчезает, как исчезла точка

на линии, на плоскости, в пространстве,

которое растёт из этой точки

так, как росток из семени.

я -- семя. Мы -- семена неведомо чего...

Кто нас забросил в этот непонятный

мир, точно в землю темную,

и ждёт

грядущих всходов?

Кто Ты -- незнакомый,

но более родной, чем вся земля?

Кто Ты, непостижимый и любимый

до помраченья разума, до боли

немыслимой, до муки на кресте...

Кто Ты,

неотделимый от меня, как собственное

сердце?

Кто же Ты ?

3.

Что значит слово "Бог"?

Лишь только знак того, что больше

и дальше нас.

но через нас проходит,

включает нас в Себя

и весь наш смысл

хранит в Себе.

Само же слово есть только знак,

не более того...

Не дай нам Бог вдруг спутать знак со смыслом!

Мы тогда

лишимся смысла,

и Бога умалим и низведем

до нас самих.

Зачем же мы низводим?

Затем, что не желаем восходить.

Да, восходить, -- всходить из этой точки

И становиться целостным простором.

О, как же нас пугает тот простор,

который нам обещан,

тот простор, к которому мы призваны,
который
и есть Сам Бог!..

4.

Пространство бытия -- пространство духа,
Таинственная связь всего со всем
И каждого отдельного с Всецелым, --
Та непомерность, бесконечность наша,
Которая клоочет там, в груди
Непостижимым валом ликованья,
Смывающим в единый миг всю боль!
Нет Бога, если нету погруженья
В Простор
и выхода из самого себя!
Нет Бога, если семя не взошло,
Не вырвалось из плотности земной
Туда, где все -- одна волна и ветер!
О, эта океанская волна!
Огромное пространство небосвода
И запах жизни, хлынувший мне в грудь!

5.

Так почему мы так дрожим тогда
над этим жарким маленьким комочком,

над этим тесным узелком всех связей,
над этую крупинкой бытия?
Вот так дрожим, как будто если вдруг
ее не станет, -- в тот же самый миг,
все небо распадется на куски,
которые бессмысленно повиснут...

И каждая морщинка на щеке
твоей любимой -- это нож по сердцу
и тайная мольба: повремни...
Вся жизнь моя сейчас -- в морщинке этой...

Повремни!..

И эти слезы... слезы... Пускай они текут.
Слеза и есть волна того немого Океана,
в который Бог мне повелел войти.

И я вхожу. А почва из-под ног
Уходит.

Я больше не надеюсь и не верю.
Надежда, вера -- перед мукой этой --
ничто.

И я вхожу в НИЧТО.

И я кричу: зачем меня оставил?!

И мне одно молчание в ответ.

Один немой великий Океан...

О, океан, принесший мне тебя!
О, океан, пришедший за тобою...
О, эта океанская волна!
Она сейчас в груди моей бушует.
Она -- любовь, любовь, любовь моя!

Люблю тебя и этот океан.
Тебя и даль,
Тебя и Бесконечность,
лишь на мгновение ставшую тобой,
чтобы позвать в незримое "куда-то".
Иду... Иду... Иду на этот зов.
Любовь моя размыла все пределы.
Передо мною -- только Океан,
огромное пространство небосвода
и запах жизни, хлынувший мне в грудь!

МЕДЛЕННЫЙ
ДУХОВНЫЙ ТРУД

Внезапным веером раскрывшиеся скалы, --
Со всех сторон, со всех небес вокруг --
Тысячекрылый, всеобъяввший Дух --
И я стою перед своим началом.

Начало мира и его итог.

Внутри, в сердце возвратились все потери.

И можно сердцем собственным измерить,

Как мир велик, как совершенен Бог.

Еще ступень над каменной ступенью,

еще одна и -- больше ничего.

Вдруг выпасть из того круговращения,

которому название естество.

Вначале Дух. И лишь потом причина

судьбы и смерти. Луч в горах потух,

зайдя мне в грудь. Остановить лавину

ползущей вниз тяжелой вязкой глины

Способен только Дух!

Вначале -- Дух!

* * *

А мне порою смутно снится,

Что эту плоть, где Дух гнездится,

Душа сама свила, как птица

Гнездо, и задремала в нем.

Да, задремала и забыла,

Как с нервом нерв и жилу с жилой

Сплетала, тихо ворожила,

Устраивая хрупкий дом.

О, сколько жара, сколько света

Понадобилось ей на это!
Как был стремителен и крут
Ее полет! Какая сила
Сгущалась в ней!.. И вот забыла,
Что значит Дух тысячекрылый
И медленный духовный труд.

Когда б мы досмотрели до конца
Один лишь миг всей пристальностью взгляда,
То нам другого было бы не надо,
И свет вовек бы не сходил с лица.

Когда б в какой-то уголок земли
Вгляделись мы до сущности небесной,
То мертвые сумели бы воскреснуть,
А мы б совсем не умирать могли.

И дух собраться до конца готов,
Вот-вот... сейчас...
Но нам до откровенья
Не достает последнего мгновенья,
И -- громоздится череда веков.

Я знаю это суживанье глаз
И взгляд, направленный к оси незримой,
Не на себя, а внутрь себя, не мимо
вещей, а сквозь земные вещи, внутрь нас.
Вдыханье мира, втягиванье в свод.
Я знаю это застыванье. -- Лед.
Невозмутимость. Полнота покоя.
Снаружи -- смерть всецелая, а там,
внутри... -- Как в небо чистое, пустое,
всецелость жизни входит внутрь к нам.

Вот он звучит, -- тишайший в мире рог --
Беззвучный гром, что мира не нарушив,
Вдруг отзывает ото всех дорог,
Из тела вон выманивает душу.
Когда сей гром, сей рог тебя настиг,
Он протрубил: "Готовься к предстоянью!
Сейчас наступит вожделенный миг --
Века обетованного свиданья!"
Сейчас... сей час... все глубже внутрь. В упор.
И -- собран дух. Аз есмь! И вот тогда
Выходишь ты в торжественный простор,
В великую расправленность заката.

И тянутся объятия зари,
И в этом нескончаемом полете --
Единый возглас: "Господи, бери!"
О, убыль мира! Истонченье плоти!..
И Он тебя воистину берет,
Тот, кто насущней воздуха и хлеба,
И длится нисхождение высот,
Земле на грудь приникнувшее небо...

И после полной близости, такой
Пронзительно мгновенной и бессрочной,
Приходит тот прозрачный покой,
Который люди называют ночью.
Хрустальный час. Он бережно принес
Желанный отдых. В тишине высокой
Дрожат крупинки благодарных слез,
Непролитых из замершего ока.

* * *

Звезды глядят из немыслимой дали,
Звезды в такую пустыню позвали!
Но если глаз немигающий пьет
этот прозрачный серебряный лед, --
прямо в сердца, словно в теплые гнезда,

С неба слетят одинокие звезды...

Такая даль

меж всеми нами!..

Такая даль,

которую слова

перелететь не могут.

Как крыльями ни машут,

как ни рвутся, --

Все та же даль маячит впереди.

Кричать?

Зачем?

Куда?

К кому?

А может быть, когда-то

Вселенная вот так же разбежалась

на тысячи, на мириады звезд,

и каждая повисла одиноко

не в силах дотянуться до другой...

И превратилась Вечность

в безликое, безмерное Пространство

и Время, не имущее конца...

Как будто кто-то

вдруг выворотил Вечность наизнанку

Во вне себя...

Кричать?

Но разве звезды

кричат друг другу?

Нет. Они тихи.

И дело их --

Светиться сквозь молчанье

И тайное единство возвещать...

С какой любовью мир творится!

Тварь божья... Как ни назови --

Трава, деревья, зверь и птица --

Мы все родимся из любви.

Как точно к цвету цвет подобран,

Так, как моя душа к твоей...

Как терпеливо, как подробно

Сплетается узор ветвей!

Как бы трепещущая фраза

Из слов таинственных... и вот,

Минуя мысль, минуя разум,

От сердца к сердцу весть идет.

Все та же. В мире все не ново.

Но вечно предстаёт глазам
все та же красота, как слово,
как знак любви, не видной нам.

И кто сумеет хоть однажды
постичь всю эту красоту,
тот чувствует, что вздох наш каждый
и каждый волос на счету.

И появляется свобода,
с которой всякий труд -- не труд,
с которой шествуют по водам
и на распятие идут.

И в пустоте уже не пусто,
и воскресенье во плоти
приходит, как шестое чувство,
как продолженье тех пяти...

И если есть еще тревога,
она о том, как бы во сне
и в мыслях не обидеть Бога,

предавшегося в руки мне.

Мох зеленый, ельник редкий,

Запах хвои. Спи, душа.

Спи, душа, раскинув ветки,

Тихо травами шурша,

Плеск крыла, тропинка в небыль,

Неподвижная река.

Спи, душа, расправив небо,

Раскидавщи облака.

Спи, запутав листья в своды,

Наклонив стволы к ручью.

Всякий крик, как камень в воду,

Канет в тишину твою.

Но когда-нибудь на зовы

Вдруг придет ответ со дна.

Спи, душа, -- великим словом

Тяжелеет тишина.

Ничего не делаю,

Так вот и живу.

Облаками белыми,

Врывшись в синеву.

Ничего не помню я,
Так вот и расту.
Соснами огромными,
меря высоту.

Знаю -- все вернется,
Как весной листы.
И о чем заботиться,
Если в сердце -- Ты?

И о чем тревожиться,
Раз шумит листва?
Мысли сами сложатся
В нужные слова.

Все узлы распущены,
Шум в уме умолк.
Не мешать Грядущему --
Вот и весь мой долг.

Благодать ниспослана.
Только и следи --
Хорошо ли Господу
У тебя в груди?

ТРИПТИХ

1

Стихи... Они рождаются из земли
Души моей. Из этих неподвижных
Пластов, где Бог хозяин. Бог созидает.

А я -- в пыли.

А я нема, безропотно темна,
как чернозема поднятая груда,
покорно принимаю семена,
не спрашивая: "Для чего?", "Откуда?"

Какой порыв, какой реки поток
занес его? Он вечен иль мгновенен?
Но каждый исход мой, каждый мой росток
и для меня таинственно священен.

Я знаю лишь зачатая благодать
и тяжесть вызревания событий.
И что еще я вам могу сказать?
Бессильное мое "не растопчите!"

2

Покорной Богу быть... покорной этой
Бездонности, взывающей ко мне,

Покорной звуку и покорной свету,
Покорной светоносной тишине.
Любви покорной... Миг зачатья...
Вот так склонялась Богоматерь.

3

Мой Боже, Бог мой... Из моих берез,
Дождя, травы и звона дальней птицы
В меня вошел и из меня пророс.
Нельзя иначе Богу появиться
здесь на Земле. Есть место лишь одно:
Внутри меня. И в радости, и в муке
вот это сердце выносить должно
Тебя, и вынянчить -- вот эти руки.

Мой Бог -- мой сын. И тварь Твоя и мать.
О, Господи, сумею ли так много?!
Зачать, родить и вырастив отдать
Тебя во тьму, чтоб Бог вернулся к Богу!

Ты мне не должен ничего.
Ведь Ты -- смысл сердца моего.
Ты есть, так значит одарил
меня сверх меры и сверх сил.

И если я живу любя,
то мучусь не из-за Тебя,
а за Тебя. Как может мать
Страданье за ребенка взять,
Так я -- стена Твоя и щит,
Ведь Ты внутри меня укрыт.
И кто промолвит о вине,
Тебя противопоставив мне?
И кто ответчик, кто истец?
Есть два лица, -- нет двух сердец.
Судиться с Богом выходил
Лишь тот, кто Бога не любил.

Нужна ли я лесам? Нужна ли я
великой неизбывной этой жизни?
Нужна ли я Тебе, мой молчаливый,
высокий, уводящий вглубь и вдаль,
Возлюбленный?

Ему не нужен никто,
ничто. -- Воистину свободным
ни в ком нет нужды. Но лишь он один и волен
Всех отпускать на волю, всем дарить
свободу.

А любить умеет лишь свободный, --
только тот, кому ни в ком нет нужды.
Я не нужна Тебе. Ты проживешь и без меня.
Но, может быть, весь смысл Твой только в том,
чтоб я была на свете.

И что же есть вся глубина лесная
и запах, запах!.. -- Весь дух Твой, изливаемый
в меня,
Как не любовь? -- Люб
ь! Любовь!
Какая любовь!
Ты сам и есть Любовь. И ждешь, чтобы я
самой любовью стала.
Но что же, что же кроме
Любви еще осталось от меня?

О лес,
мой лес, запутанность лесная!
Извивы троп, и веток, и корней...
У леса и души один хозяин,
но только лес покорней и мудрей.
Не спрашивают тихие растенья,

и ты, душа, не спрашивай, замри,
чтоб услышать неслышное движенье,
чтоб распознать течение внутри,
В сосне, и в травах, и во всем, что рядом...

Ты ищешь путь? Известны все пути
покорным соснам, и одно лишь надо:
Прислушаться, чтоб с ними в лад идти.

О, эта твердость, эта прямизна
стволов великих... Но еще дороже
душе одна склоненная сосна,
почти повисшая... Уколом в сердце: -- Кто же,
Кто поддержал тебя, сестра -- сосна?
Сестра Земля, сестра Луна?..

Есть линии, диктующие нам,
Как надо жить. И тайные законы
Я узнаю по веткам и стволам,
Прослеживаю по корням и кронам.
И в час, когда тяжелый узел дней
Уже обвился возле горловины,
Я погружаюсь в лабиринт ветвей,
Распутывая судьбы и причины.
С терпением незыблемой сосны
И с чуткостью трепещущей березы

Я расплетаю жалобы и сны,
Разматываю страхи и угрозы.
И вот уже последняя черта
Расправлена на заводи зеркальной,
И остается только высота
И чистота того, что изначально.

И душу мне обволокнет
шуршащий дождь... И, крылья свесив,
Душа, остановив полет,
притихшей птицею нырнет
в гнездо еще не слышных песен.
И будет ждать... Чего же ждать?
Да, вот, наверное, того же,
чего и травы... Кто поможет
им прорасти? Вот так и мать,
носящая ребенка в чреве,
ждет неподвижно... Что в напеве
грядущем выльется? Бог весть...
Нет ничего... Но что-то есть...

Царство Его
не от мира сего.

Сила Его

не от мира сего

Здесь -- Ему воздух скупно отпущен.

Нет, не всеильный, не всемогущий.

Здесь -- задыханья едкая гарь.

Здесь Он не царь.

Кто же Он?

Путь, уводящий отсюда.

Не чудотворец -- высшее Чудо,

Выход в мою и твою высоту,

Насквозь пробитый, прибитый к кресту.

Тот, Кто безропотно вынести смог

Тяжесть земли, --

Наш неведомый Бог.

Назван. Описан. И снова неведом.

Только тому, кто пройдет Его следом,

Снова предстанет среди пустоты:

-- Видишь? Вот Я.

-- Вижу. Вот Ты.

Хоры ангелов -- это небесная тишь,

Это шелесты думы Господней.

Ты со мной говоришь.

Ты со мной говоришь!

Вот и все, что я слышу сегодня.

Как же мне передать речь немую Твою --

Из незнания растущее знание?

Чем я чую Тебя? Чем Тебя узнаю? --

Ликованьем, одним ликованьем!

* * *

Недвижна ель. Спокоен ствол отвесный.

О, тайное величие нуля!

Что значит твердь? И почему небесной

Ее зовут? Ведь разве не земля

Тверда?

А где.то древние платаны,

И море, как затихшая осанна...

И вдруг -- вся гладь оконного стекла

предстала мне зияющею раной --

Земля навывлет ранена была

и истекала небом. И на нет

сошло величье камня и металла...

В окошке был такой недвижимый свет,

что сердце вдруг воочью увидало

ту твердь, которая пересекла поток,

остановила мысли мельтешенье,

И внутреннее, высшее движенье
коснулось лба, как волны моря -- ног.

* * *

Так наступает царство Духа:
Последний свет хранит вода.
Твердыня стала легче пуха,
а нежность как гора тверда.

В ней есть такое средоточье,
такой густеющий настой,
что можно увидеть воочью,
почти пощупать Дух святой.

Открылись внутренние двери,
Там, на последней глубине,
Я верю, Господи, я верю! --
Ты дашь мне все, что нужно мне.

Помедли с наступленьем мрака!
Побудь еще! -- Еще -- зари!
И если надо Исаака
Тебе, то, Господи, -- бери!

Вот Исаак мой онемелый,

вот он глядит, едва дыша, --

мое измученное тело,

моя продрогшая душа...

* * *

Есть Центр духовный, есть точка покоя,

стянувшая внутрь все пространство морское, --

Все шири, все дали, все небо, все скалы,

все то, что прошло и еще не бывало,

все то, что в глубинах, во тьме копошится,

До самой последней незримой частицы.

Есть точка покоя, где сердце сумело

увидеть вселенную новой и целой.

Есть точка покоя, как точка кипенья,

как смерть, за которой грядет воскресенье,

Над миром, размытым гигантской волною,

Есть новая твердь и пространство иное.

Есть мир, восстающий за тайною гранью,

где люди создатели, а не созданья.

СТЕЛЛЕ

Ты ушла, а я слежу еще,

как качнулись в небе ветки сосен

и шуршащим золотым плащом

мягко землю покрывает осень.

Ты уже за страшною чертой,
ну, а я с разжатыми руками
сквозь узор березы золотой
в пустоте слежу за облаками.

И какой-то странный разговор
могут звезды смолкшие подслушать
в час, когда мерцающий костер
воедино собирает душу.

О, душа ожившая моя,
ты уже невидимо иная,
будто с кем-то повстречалась я,
только с кем, -- сама еще не знаю.

Будто всех морей ночная гладь,
всех лесов шуршанье и дремота
мне велят недвижимо молчать
и глядеть в неизвестное что-то.

Неужели оборвалась связь?
Нет моста...утраченное братство?
Ты ушла. Меня не дождалась,

Ну, а я должна тебя дожидаться.

Лес редееет. Золото в зеленом.

И, листы бывшего вороша,
как береза с пожелтевшим кленом,
медленно живет моя душа.

Тихое качанье листопада
и дождя прерывистая нить...
Может, вам еще чего-то надо.
а с меня довольно только быть...

Этот тихий шелест сердобольный,
долгий шорох падающих слез...
И с меня на целый день довольно
мерного качания берез.

Плачущая, ласковая осень,
точно мать замолкшая моя...
И куда она меня уносит,
Из листов желтеющих ладья?

Может, в край, где найдены потери
и где все умершие живут?

Только б мне никто часов не мерил,
не считал и жалел минут...

Я дорог своих не выбираю,
как себе не выберешь лица.
Нет у неба ни конца, ни края.
У души -- ни края, ни конца.

Под укрытьем дождя, под прикрытием мглы
Крылья духа, как веки пространств, тяжелы.
Будто сузилась даль, превратясь в глубину.
Душу тянет в себя, будто клонит ко сну,
будто кто-то горячего сердца комок
В небеса спеленал, тишиной обволок...

Есть тишина, которая сама
в нас действует. И ничего не надо
нам, кроме слуха чуткого и взгляда.
Лишь только умаление ума
и разрастанье сердца. Мир впервые
рождается и входит в грудь одну.
У ног Христа сидела так Мария,

чтоб слушать не слова, а тишину.

Ах, Марфа, Марфа, погоди немного --

Накормит Бог, и ты накормишь Бога...

В потоке музыки, в потоке света

Плыть в тишину, и, может быть, во тьму,

В страну, где вдруг рождаются ответы

На все "зачем", "за что?" и "почему?"

Когда смятенье, страхи и тревога

Дошли до горла и исхода нет,

Вдруг перед сердцем стелется дорога --

Широкий выход в музыку и свет.

Не отвергай, не жалуйся, не требуй

Земных ответов. Тайное темно.

За все земное отвечает небо.

Земле лишь только спрашивать дано.

Бог высоко. Бог очень высоко.

Нет ни равенства с Ним и ни братства.

Пик, открывшийся нашему оку.

К Богу можно подняться,
Как по горному склону крутому,
По земным и небесным ступеням.
Счастье жизни есть счастье подъема,
Беспреданный восторг возвышенья.

Из инобытия... из теми...
из тесноты передо мной
незримо вырастает Время,
развертываясь, как весной
из почки лист.
О, как нам труден
наш первый шаг, наш робкий свет!..
Бог есть, но Он еще лишь будет...
Бог есть. И все же -- Бога нет.
Мир не родился. Он сегодня
рождается. О, как же нам
увидеть скрытый лик Господний?
Ведь Он еще ни здесь, ни там...
Из инобытия, из теми...
кто угадал, кто досмотрел,
кто внутрь себя вместил все время, --
тот знает времени предел.
Оно должно остановиться,

свершив своей полный разворот.

И вот тогда-то мир рождается. --

Бог станет зримым. Он придет.

Как в зеркале полуовальном,

В заливе с далекой границей.

Все знают, что море зеркально,

Но кто в нем сумел отразиться?

Лишь горы над зеркалом стыннут

веками. Но медлит Владыка,

И гладь остается пустынной

И ждет нерожденного Лица.

Моя работа -- жизнь моя,

Вниманье сердца, слух и зренье

и медленное приближение

к первоистоку бытия.

Случайный шорох уловить

и вздрогнуть -- ветка прошумела:

души оборванную нить

Мне надо снова сделать целой.

И аромат, как тайный зов

донесся. -- Просьба: Бога ради

разорванную связь миров
хотя б на миг один наладить.
Моя работа -- жизнь моя...
трудна ли, нет ли, -- Бог поможет.
А если отдыхаю я,
то, верно, и от жизни тоже.
Да, Бог поможет... Мне одной
Не справиться. О, если б кто-то
умел всегда делить со мной
Всю повседневную работу!

* * *

Чуть-чуть придымлено окошко,
как глаз из-под прикрытых век.
Беззвучно сыплет белой крошкой,
качает воздух мелкий снег.
На дубе ржавый лист засушен,
На черной ветке белый ком.
Как незаметно входят в душу
мельканье птиц, соседний дом...
Как будто бы подать рукою
До Бога... Миг большой, как год.
Когда земля моя в покое,
тогда душа моя растет.
Когда сливаются мгновенья

и время -- полая вода,
моя душа простым растением
кудаОто тянется тогда.
Она как этот ствол древесный,
как непостижные уму
Деревья. Этот бессловесный
растущий мир...Вот почему,
быть может, мне всего роднее
та беззащитная краса

и бессловесностью своею
Заговорившие леса.
Внутри часов, внутри простора,
внутри стволов, внутри ума...
Кто видел этот РОСТ, который
И есть, быть может, жизнь сама?

Во мне дозревают цвета и просторы
до той полноты, до предела, который
так близок... Но время все длится и длится,
Пока не дозреют все смыслы и лица,
И долгого света вино золотое
не станет бессмертья прозрачным настоем.

Был свет неподвижный в проеме окна.
Была неподвижна, как свет, тишина,
И светом насыщен, бездонно глубок,
Смысл жизни раскрылся во мне, как цветок.
Смысл жизни в единстве с недвижимой водой,
с дрожащим листом и далекой звездой,
той самой, чей тихий мерцающий свет
Доходит ко мне через тысячу лет.
Той самой, чей ясный, внимательный глаз
зажегся во мне, как внезапный алмаз.
Смысл жизни, смысл всех протекающих дней
В единстве с душой незримой твоей.
Твоею и тою, которой здесь нет
в пространстве земном уже тысячу лет.
Был свет неподвижный в проеме окна.
Была неподвижна, как свет, тишина.
И светом насыщен, бездонно глубок,
смысл жизни раскрылся во мне, как цветок.
Смысл жизни моей замыкается в круг --
В единство двух наших сомкнувшихся рук.

МОЛИТВА -- ЭТО РОСТ

Ни идей, ни спорящих -- ни слова.

Все осталось где-то за чертой,

Только волны шороха лесного,

Только это полное Ничто.

Я -- ничто. О, Господи, как много

Ты даешь! Как щедро меришь Ты!

Мера счастья -- это чувство Бога,

Чувство роста, чувство высоты.

Полная таинственная мера...

Сесть в лесу, замолкнуть у костра...

Лишь зерно чуть видимое веры,

И -- меня послушает гора.

Лишь зерно... Пустяк, простое дело.

Но -- ничто, и нет еще зерна.

Чтоб зерно горчичное созрело,

я до Бога дорасти должна.

Этот рост... От смерти к воскресенью --

от "ничто" и до Вселенной всей --

Рост деревьев, рост листвы весенней,

рост души замолкнувшей моей..

Я шла сюда с мученьем и тоской,

Боле л висок.

А мир молчал. И был такой покой!

Лес был высок.

Вплетался шелест листьев в темноту, --

Касаний шелк,

И сердце набирало высоту,

А ум замолк.

Всю высоту сосны, дубов, берез

Впивал мой глаз,

И Бог, войдя, в пространстве сердца рос

Весь долгий час.

Вот оно -- знакомый наизусть

Мягкий плеск, залитый серебром...

-- Ничего... И я ему молюсь

Ни о чем.

Ни на небе и ни на воде,

ни в далекой линии огня --

Н и ч е г о, разлитое везде,

Н и ч е г о, входящее в меня.

И без слова, без конца, без сна,
с сердцем, точно растворенный дом,
я молюсь, как тихая сосна,
Ни о чем.

* * *

На серебряном море забыта,
как средь книг -- непрочитанный стих,
до сих пор каждый день Афродита
выступает из глубей морских.
Точно море и небо, нетленна
и хрупка, как морская волна;
В волосах ее -- белая пена,
а в зрачках у нее -- глубина.
Вот ступила на берег пустынный
на песке отпечатала след,
и улыбка в глазах ее длинных
задрожав, зачинает рассвет.
Вот садится на камень прибрежный
возле самых лепечущих вод
и кого-то настойчиво -- нежно
и доверчиво -- тихо зовет.
Все нежней, все невнятной, все тише
вторит голосу хор аонид...

Тот, кто вслушаться хочет -- услышит
кто сумеет взглядеться -- узрит.
Вот сомкнула блаженные веки
и, покоясь в полдневном тепле,
захотела остаться навеки
здесь, на ласковой этой земле.
Но... за камня мохнатою глыбой
Кто-то спрятан... -- внезапный рывок --
И богиню, как бедную рыбу,
человечий хватает силок.
О, какой невозможный, мгновенный
стон! И снова волна разлита.
На руках победителя -- пена,
а в глазах у него -- пустота.

* * *

Утоли моя печали...
Тихий свет, тропа долга,
Ветки леса увенчали
Невесомые снега.

Дуб, как ворон белокрылый,
Преградил мне путь сугроб.
Небо тихо положило
Руку легкую на лоб.

Боль уходит. Нежность длится.

Пальцы чуткие нежны.

В леса спутанных ресницах --

Золотой зрачок Луны.

А за окошком -- осень. За окном, --

За мыслями, за болью, за делами --

Стоит береза в платье золотом,

И бьет в глаза рябиновое пламя.

Да, сразу за тревогой, за тоской, --

Здесь у предела этой жизни куцей

Стоит огромный неземной покой.

И стоит на мгновение оглянуться,

И ты увидишь, -- сколько нам дано!

А требуется с сердца так немножко...

Молитва наша -- тоже ведь окно. --

Вот подойти и поглядеть в окошко...

ТРИПТИХ

Тебе молюсь... Так значит так люблю,
Что о себе уже совсем забыла.
Врастает сердце в красоту Твою,
И молча внутрь Твою вбирает силу...

Тебе молюсь...Так значит найден ключ
к воротам царства... Рядом жизнь иная.
Что хочешь делай, -- отлучи, измучь, --
я о себе уже совсем не знаю...

Тебе молюсь. Извне устремлены
все силы внутрь, в тишайшие хоромы,
И проросли, и зацветают сны,
и стала плоть прозрачно невесомой.

Как мир возник? Пока молилась я,
дух одевался световою тканью,
и заплетались нити бытия,
в цветной витраж, в собора очертанья...

2

Что хочешь делай, отлучи, измучь, --
Я, кажется, не ощущаю тела.

Так мир звенит! Такой звенящий луч,
что все сверкнуло, ожило, взлетело!

И так легко, как будто нежный пух
дан вместо прежней, вместо тяжелой плоти.
На крыльях ветра... Вот что значит "Дух"
Жизнь без себя, без веса -- жизнь в полете.

Вся жизнь -- любовь! Дыханье высоты
И эта легкость, эта весть из рая!
Что хочешь делай, -- есть лишь только Ты.
Я о себе уже совсем не знаю...

3.

Я о себе уже совсем не знаю.
Надежды нет, и умирает страх.
В небытии зияет щель сквозная.
Я меньше всех, я -- ничего, я -- прах.

Что хочешь делай, мне себя не надо.
Пусть будет пусто -- версты чистоты.
Не стою слова и не стою взгляда,
Я хуже всех, -- но совершенен Ты.

Меня любить? Мой Боже, эту глину?
Но тот, кто взглянет в сей провал сквозной,

в Тебя -- мою живую сердцевину, --
о, как же он обнимется со мной!

Невозможному поверьте!
Только Дух оборет прах.
Дух, -- живой в середине смерти
И ликующий в скорбях.

Дух, мелькнувший птицей белой,
Звоном, таяньем, весной;
Тот, Которому нет дела
До всей тяжести земной!

Сквозь и над -- всегда в полете, --
ни замкнуть, ни обороть, --
Дух, противящийся плоти
и живящий нашу плоть.

Легкость давящего груза,
свет в кромешной темноте.
Радость -- в боли, воля -- в узах,
Выход даже на кресте.

Зорче зренья, чутче слуха

у бездонности на дне...

Помолись Святому Духу

о себе и обо мне.

* * *

Остановись. Замолкни. Не желай

И не тоскуй. В ответ на боль и жажду

огромный свет пролился через край

оттуда, с неба, к каждому и каждой.

О, погоди... Не видишь? Облака

раздвинулись, разлились, просияли, --

И ты -- в объятьях каждого цветка

и каждой ветки, врезавшейся в дали.

Не вырывайся... Господи, прости

за эту боль, за недоверье это...

Я, как птенец замерзнувший, в горсти

Твоей -- в объятьях меркнувшего света.

Прогрей еще... еще... не отпускай.

Коснись всего. Сойди на эти лица...

О, развернись, пролейся через край!

Ну вот и все. Мне не о чем молиться.

Когда придет пора развоплотиться,
вдруг расплывутся очертанья лиц,
сверкнет крыло, утонет в небе птица
и тихо сердце выйдет из границ.
Глубокий вдох, нечаянные слезы,
молчанье трав, шуршащая листва...
застынут жесты в сосны и березы
И развернутся в музыку слова.
И медленно раздвинувши пределы,
как будто пробуждаясь ото сна,
душа поймет, что было это тело
Тугим бутоном, а цветок -- она.
Цветок живой -- сверхмыслимое чудо,
ко всем, как небо, устремивший взгляд,
свободно разливающий повсюду
Дух жизни -- свой тончайший аромат.
Вовнутрь, в жизнь ведущая дорога...
И можно жить, так глубоко дыша!..
И спрятанная в раковину Бога,
Хранится, как жемчужина, душа.

Еще чуть-чуть... Еще немного

молчанья -- и, гора моя,
ты возведешь меня до Бога,
до полногласья бытия.
Волны беззвучной нарастанье...
Сейчас дойду до той черты,
где постигают смысл страданья
и тайну Божьей правоты.
И вот в лицо мое земное
она уже глядит в упор.
Она стоит передо мною
непререкаемостью гор.

Когда душа взывает к Богу,
в простор распахнуто окно.
Нет цели -- есть одна Дорога.
Или -- мой путь и цель -- одно.
Само великое зыванье
и есть тот сокровенный рост, --
Охваченное расстоянье
с земли до самых дальних звезд.
И точно неба купол цельный,
Как моря грянувший прибой,
Вопрос с ответом нераздельны
И Дух един с самим собой.

* * *

Как будто душу мне промыл
Немой поток Господних слез.
А дождь все лил, и лил, и лил,
А ствол все рос, и рос, и рос...
И в совершенной тишине
стал слышен, как беззвучный гром,
вот Тот, Кто там внутри во мне,
вот Тот, Кто там во всех и всем.
И жизнь -- не место и не срок,
как я -- не тело и не речь. --
Душа вошла в сплошной поток,
и вечность будет течь и течь.
Вот точно так же, как теперь,
Вся тишина -- ее прибор...
И ты не верь, не верь, не верь,
что мы расстанемся с тобой.

* * *

Туда, откуда дерево растет,
туда, откуда возрастает семя,
туда, где начинается свой полет
беззвучное невидимое время,
Туда, где собирается Любовь

всецелая, как полный круг небесный;
Туда, где мир кончается, чтоб вновь
Вот в этой точке вздрогнуть
и воскреснуть.

* * *

Был плеск воды, как звук молитв.
И слышался единый ритм.
Единый ритм, единый ход,
которым вечно дух идет.
И строился незримый мост
Со дна миров до дальних звезд.
А лес шуршал, а лес шумел
о том, что есть такой предел,
где ни земли и ни воды,
а только шорох и следы...
И в те пределы из земли
деревья медленно текли.
И путник ясно слышать мог
тот нескончаемый поток.
Здесь было тихо. Здесь к горам
прильнул и затаился храм.
Он словно каменный фиал,
Весь Дух растекшийся собрал
в прохладной глубине своей

и жаждущим поднес: испей...

Вечерний свет, как медленная птица,

Глядящий, осязаемый почти,

Внутри сердца хочет тихо опуститься,

чтоб озарить его и вознести.

Как тихо там, как жарко в сердце стало!

Огромный свет, разлившийся везде,

Нашел приют в комочке этом малом,

Как бы в своем оставленном гнезде.

О, научи меня, сосна,

Безмолвью!

Тысячелетия одна

На всхолмье.

Тысячелетия одна

На свете,

Полна покоя и полна

Столетий.

Ты каждый миг внутри хранишь,

Владыка,

Вот почему и стала тишь

Великой.

Равны столетьям полчаса
В Эдеме,
Ведь разрослось, как небеса,
Здесь время.
И вот ветвей твоих извив
Случайный
Остался как иероглиф --
Знак тайны.
Кто эти знаки прочитал,
Тот сможет

Войти сквозь камень этих скал
В рай Божий,
Туда, где не имеет свет
Обрывов,
Туда, где мертвых вовсе нет --
Все живы.
Ведь нету дней у бытия
Вчерашних...
Так научи, сосна моя,
Бесстрашью.
Ты даришь сердцу благодать
В избытке.
Так помоги мне устоять

В час пытки.

В глухой чернеющей ночи

Без срока

Своей молитве научи

Высокой...

Остановилась мысль моя --

Идет лавина Бытия.

И я должна пред Нею предстать

пустынной, точно неба гладь,

открытой, как немой простор,

что видится с вершины гор,

незащищенной, как Господь,

который отдал миру плоть.

Деревья творят постоянный молебен.

Деревья возносятся к Богу всегда.

И каждому дереву внемлет на небе

Царица молчанья -- живая звезда.

И так благовонно лесное дыхание,

И так неподвижно в сем храме стою...

Взгляни в мое сердце, Царица молчанья,

Услышь, Всеблагая, молитву мою...

Там, за заливом, были скалы,
а за моей спиной -- холмы.
Как будто всей земли не стало
и прямо в море были мы.
Даль от предгорий до предгорий
простерлась, медленно дыша...
Бог знает, было это море
Или сама моя душа.
Бог знает, это плеск прибоя
иль шепот дум в уме моем...
Так можно лишь с самим собою,
так можно лишь в себе самом.
Свет удлинялся постепенно
и вел в глубины бытия.
Был час молитвы сокровенной.
Молился мир, молилась я.
Молиться... Это по ступеням
Невидимым внутри в тиши
ввысь подниматься -- Восхождение
к вершине собственной души.

И вот уже, как весть о чуде,

Свет внутренний. И ореол
зари сквозь мглу... Подъем так труден!
Но если ты уже дошел!..

Г.П.

Ты мне -- вся жизнь. -- Не мало и не много.
Ты -- все. Не веря собственным глазам.
Хочу узнать тебя до дна, до Бога.
Как ты себя еще не знаешь сам,
И вдруг найти разгадку воскресенья:
В тот страшный час, что темен и глубок.
Мне только целый Бог тебя заменит,
Не больше и не меньше -- целый Бог.

Молитва -- это рост,
Молитва -- это шаг.
Путь прост или не прост,
должна идти душа.
Молитва -- это путь,
Молитва -- это рост
из суетности в суть
и от земли до звезд.

Я пью тишину из большого ковша

Твоей родимой ладони,

Я пью глубину янтаря,

Золота тусклого блеск.

Я пью все цвета и цветы

До дна,

До густой темноты,

Жаркой Твоей ладони.

Даятель.

Ты -- мой последний предел.

Ты -- беспредельность моя.

Я знаю, что там, где Ты,

Нет места моим глазам.

Я знаю, что там, где Ты.

Нет места моим словам.

Я знаю, что там, где Ты, --

Сердце стучит,

Даятель.

Возьми же мои глаза,

Возьми же руки мои,

И волю мою возьми --

Дохни на меня,

Даятель.

Задуй меня, как свечу.
Я только к Тебе хочу,
Я только туда хочу,
Где сердце стучит,
Даятель
Выстукивается Жизнь,
Смешавшая верх и низ,
Смешавшая тьму и жар
В ударе.
Ведь мир -- удар.
Внезапный прорыв огня, --
Ударь же огнем меня!
Ожги меня жаркой тьмой!
Пространством Своим размой --
Возьми меня в Жизнь,
Даятель.

Хлеб насущный даждь нам, Господи --
силы на сегодня!
Мы сюда на битву посланы, --
Воины Господни.
Не талант и не умение, --
ЧтоОто есть иное:
Каждый стих -- мое сражение
С тяжестью земною.

Мой огонь, под пеплом дремлющий,

Лишь ему -- поверьте!

Каждый стих -- победа немощи

Над всесильем смерти.

Есть пути неисследимые

В очевидность чуда:

Каждый стих -- прорыв в Незримое

И возврат оттуда.

ДО СМЕРТИ

НАДО ДОРАСТИ

* * *

Маме

Нет тебя.

Ты не плоть и не кровь.

У обрыва миров стою.

Есть лишь только одна любовь,

во всю грудь, во всю душу мою.

Тише, сердце, не суесловь.

Не надейся, сердце мое.

Молча вглядываюсь в любовь,

Долго в малчиваюсь в нее,

Во всю душу, во всю мою грудь...

Нет тебя -- побережья нет.
Ухожу в бездорожный путь,
В бесконечность тебе вослед.

Ни подробности, ни черты.
Только тишь и душа моя.
Только знание, что это -- ты
Близко... ближе ко мне, чем я...

До смерти надо дорасти.
Она как со скалы закат.
Она огромна. Боже мой,
Как мал перед великой тьмой,
Как куц и неглубок мой взгляд!

Он раньше времени погас,
Он не прошел всего пути.
Но если смерть в себя вместить,
Не будет ни ее, ни нас.

А будет... Но опять, опять
Я море понесла в горсти.
Мне больше не дано сказать,
Но мне дано -- расти, расти...

Смерть? Нет, не смерть. Но блески утр

и дней сменились полной ночью.

Жизнь тихо стянута вовнутрь,

отозванная к средоточью.

И с центром мира слитый глаз

уже не зрит, а светит миру

И больше не услышит нас.

тот, кто теперь -- аккорд и лира,

уже не вестник -- только весть,

перед которой мы стихаем,

не рот, а хлеб, не ест, а ЕСТЬ,

не дышит -- мы его вдыхаем.

Есть мир иной, без "да" и "нет",

без стороны и "той" и "этой",

Потустороннее -- не цвет,

а то, что за границей цвета,

То, в чем ни меточек, ни вех,

что тонет в пустоте и дыме,

то, что нежней оттенков всех
И всех теней неразличимей.

Есть мир, в котором нету мук,
но путь к нему лежит сквозь муку.
Потустороннее -- не звук,
а самоисчерпанье звука,

Когда мелодия полна,
и всякий шепот будет лишним.
когда такая тишина,
что даже тишины не слышно.

Когда уже ни "там", ни "здесь",
востину ВНЕ стен, ЗА краем,
когда уже исчерпан весь
мир, но Ты неисчерпаем...

Чистое пламя без дыма.
Смерть поглотившее пламя.
Взмыли крыла серафима
Огненными языками.

Зов отдаленного рога:

В путь, если сердце окрепло!

О, обжигаемый Богом

И восстающий из пепла!

И замирающий в гимне,

В вечном легчайшем паренье...

Что ты увидел, скажи мне,

Там, где кончается зренье?

Этому не вида, ни названья,

Это тьма и холод -- ни-че-го.

Мы разбились о Твое молчанье,

Мы не можем вынести его.

Умер Бог. И каждую минуту,

Каждый наш земной короткий час

Наступает очередь кому-то

Непременно уходить от нас.

О, какая страшная дорога!

Как мы бьемся лбами о судьбу,

Как мы молим умершего Бога,

Позабыв, что Он лежит в гробу.

"Боже мой, ответь мне! Слышишь, Боже?"

Мы не помним, пьяные тоской,
Что кощунство -- мертвого тревожить,
Нерушимый нарушать покой.

Нас приводит в трепет, в содроганье
Мертвых черт бестрепетная гладь.
Мы разбились о Твое молчанье,
Но еще не в силах замолчать.

И на круги возвращаясь снова,
Не умеем, пав земле на грудь,
В недрах смерти отыскать Живого,
Чтоб на третий день Его вернуть.

И в сердца не входит слово "Верьте!"
И Осанна посредине тризн...
Как нам трудно справиться со смертью!
Как нам трудно погрузиться в жизнь!

Только Ты допил молчанья чашу,
Мы ж ее пригубили едва.
Так прости оставленности нашей
Жалкие, бессильные слова!

Этот крик над тихою могилой
Перед тайной молчаливых трав...
Замолчать еще не стало силы, --
Говорить -- уже не стало прав.

* * *

Я останусь под сводами храма
И узнаю, что умерший жив.
Смерть, пророй во мне черную яму,
Выход в жизнь изнутри проложив.

А пока шевелится лопата
(Как часы мировые долги!)
Мне ударом уста запечатай,
Чернотой глаза обожги!

О безудержный ливень органа,
Прошуми в черноте надо мной!
Залечи меня страшною раной
И замучай меня глубиной!

Пусть мне звуки в пространстве очертят --
Узкий вход, как прокол, как звезда.

Не давай мне укрыться от смерти

Никуда, никуда, никуда!

Перед черной молчащей стеною --

Свет. -- Немой поединок глубин.

Дай померяться нам глубиною.

Дай остаться один на один!

* * *

Смерть света. Угасание дня.

Но вы глазам своим не верьте.

Свет умер, чтоб войти в меня

И дать мне жизнь своею смертью.

Земному подведен итог,

И все гаданья бесполезны.

Вот так же умирает Бог,

Зайдя извне в грудную бездну.

* * *

Маме

Когда лицо твое внутрь раны

В отверстый мрак спускалось вниз,

В недвижимом воздухе повис

Густой, глубокий звук органа.

И знал великий Себастьян,
В какое ты глубоководье,
В какой безбрежный океан
От наших берегов уходишь.

И берег жизни омывал
Бессмертья сокровенный рокот,
Тяжелый океанский вал --
Обетование пророка.

И долго, как морской прибой,
Звенело знание в органе,
Что там, где берегов не станет,
Соединимся мы с тобой.

* * *

Так неподвижны стрелы сосен,
Так тихо падают листья,
И так задумается осень,
Что не заметит пустоты.

Ей что-то брезжит в новом свете...
В такую глубь глядит она,
Что даже смерти не заметит,
Сама в себя погружена.

Когда же дни свой круг прочертят,
Оно появится сквозь сны, --
Вот то, что дальше, глубже смерти --
В одеждах вечной белизны...

Деревья... Жизнь под взглядами небес --
Сплошной покой. -- Войди и не разрушь...
А может быть, тысячестволый лес
Есть царство душ?

Они растут, сплетаясь и шурша...
Когда подходим мы к земной черте,
Все кончилось, но началась Душа
В своей непостижимой простоте.

Как просто!.. Пусто... Замерли слова,
Умолкли мысли и событий нет.
Что это -- смерть иль тихость Божества?
Лишь только ритм... один лишь ритм и цвет...

Я не знаю, что после смерти,
Я не знаю, что там, за гранью,

Но лишь небо предел мне чертит,
И как небо -- мое незнание.

Я не знаю, что раньше было, --
Был ли мир до Земли, иль не был,
Но я знаю, что над могилой,
Над великою тьмою -- небо.

Я не знаю иного света,
Мне не мыслилась жизнь иная,
Но бездонное небо ЭТО
Я всем сердцем бездонным ЗНАЮ.

Вдруг ударившись лбом и грудью
О твердейший предел небесный,
Я забыла о том, что будет,
Но что ЕСТЬ, мне теперь известно.

Знаю я, что должна разбиться,
Подойдя к своему порогу.
Мне сверкнула моя граница,
Получившая имя Бога.

Бог есть там, где меня не стало
Бог есть то, что меня убило,

Мой конец и мое начало,
Я -- над собственной могилой.

* * *

И наступил всех мыслей перебой.
Я выпала из нашей круговерти
И встретила с березой, как с собой,
С самой собою- после смерти.
Я ощутила линию ствола,
Как путь, как мост над мировым провалом.
Как полно, как божественно была
Моя душа, когда меня не стало.
Не стало больше ни ушей, ни глаз.
Но прямо в сердце происходит встреча.
Душа не отделяется от вас
Затем, что отделяться больше нечем.
Такое полнозвучье немоты
Нахлынуло и смыло все границы!..
Но вам нужны привычные черты,
Чтоб от меня вернее отделиться.

* * *

Был в том последнем напряженном свете
Глубокий звук.
И свет утих, как утихает ветер, --

Внезапно. Вдруг.

Еще не ночь, но на поблекшем своде

Звезда видна.

Был час, когда на землю к нам приходит

Вся тишина.

Тот час, когда ни времени, ни края.

Мир прост и нем.

Тот самый час, когда мы умираем,

Наполнясь всем.

Мы не умеем умирать.

Мы не умеем умолкать

И выпадать из шума дней

Туда -- в молчание корней.

А жизнь без смерти, как листва

Без корня темного -- мертва.

Шумит листва над головой,

И нескончаемо живой,

Лес умирает каждый час

И тайне жизни учит нас.

Молчат стволы, молчит трава,

Смолкают мысли и слова,

Смолкает, умирает страх...

Что он такое? Дрожь в листьях,

И в струнах. Тайна велика --
Коснувшаяся струн рука
Роняет звук. Он был и -- нет,
А музыка, как тайный след,
А, может быть, как тайный плод,
Из сердца нашего растет.

Потусторонний мир так пуст!
Так непочат и неисхожен!..
Там -- ни следа, ни глаз, ни уст,
Ни краски, ни черты, и все же...
Потусторонний мир так тих!
Такой покой объемлет душу.
Ни слов, ни звуков никаких,
Ни шепотка вокруг, но ... слушай!..
По непомерности пустот,
На волнах темноты и света,
В такой свободе дух плывет
С той стороны сюда, на эту!

ТРИПТИХ

1

Вода...она почти бела,
И камень наклонен.

Вода как будто берегла
Великий Божий сон.
Чей сон? Ничей... Застылость скал,
Недвижный водный глаз...
Спи, Боже, чтобы мир стоял,
Спи в сердцевине нас.

2

И ни "зачем", ни "почему",
И нету "впереди".
Мы снимся Господу, -- Тому,
Кто спит у нас в груди.
И тихо нарастает высь
И ширь на ничего,
Но только, мир мой, берегись,
Не разбуди Его...

3

Когда взрываться будет гладь
И в мир ворвется весть,
Нам будет поздно вдруг узнать,
Что Богдохнувший -- есть .
О, этот взмах и этот шаг
Сквозь нас! -- Нас больше нет --
В синь неба вдавлен Кара-Даг,
Как тяжкий Божий след.

О, как нас всех страшат пределы,
Когда отмучась, отлюбя,
Душа вдруг выскользнет из тела
И опрокинется в себя.
Как в нашей сутолке и шуме,
Как с нашим страхом и тоской,
Как нам понять, что значит у м е р?! --
Тот переполненный покой,
Когда ни голода, ни стужи, --
Вмерзай во льды, в огне гори --
Ничто не вытолкнет наружу.
Ты весь в покое, весь внутри.
Ничей вопрос не растревожит,
И не принудит крик ничей...
Ты умер? Да. Для нас, быть может, --
Для тех, незнающих путей
Вовнутрь... Земной закон, земная ложь
Все наши "там", "тогда", "сейчас", --
Все падает. А ты встаешь
На Божий глас.

Облака ушли в кочевье,
А во мхах текут ручьи...
Мы свободны, мы -- деревья,
Мы не ваши, мы ничьи...
День без края, жизнь большая,
Жизнь без смерти, мир -- наш дом,
И никто не помешает
Нам идти своим путем.
Может статься, в говор хвойный,
В желтый ствол войдет пила, --
Мы все те же, мы спокойны --
Небо длится, жизнь цела.
Облака ушли в кочевье,
Слышен тонкий плеск ручья.
Я иду к своим деревьям,
Я не ваша, я -- ничья.

Тишина. В ней шпиль высокий чертит
Тонкий путь. Отряхивая прах,
Стройный, строгий, тонкий ангел смерти
Душу держит, как птенца в руках.
Взяв ее из трепета и тлена,
Из утробной теплоты земной,
Медленно, по капле, постепенно

Он поит огромной тишиной
Робкий дух. О, дух новорожденный
В вечности!.. Склонился звездный сад...
Вот уже умолкли наши стоны,
И желанья больше не кричат...
Вот уже...(еще одно движенье
Ангельской руки, еще одна
Капля), и -- молчит воображенье,
И молитва больше не слышна.
Мыслей нет. Ни оклика, ни встречи...
Образы, расплывшиеся в дым...

Тихий ангел мягко гасит свечи
Бархатным касанием своим.
Тихий ангел, где ж любовь и жалость?
За звездой скрывается звезда.
Ни единой больше не осталось.
И тогда-то, Господи, тогда
Наступил черед и смерти скрыться.
Смерти дан такой короткий миг!
Отгорели, отпылали лица,
Но восходит негасимый Лик.

Нет, мертвые не ходят по ночам.
И даже не витают где-то там
В прозрачном мире, теневом, ином...
Они уснули бесконечным сном.
Уснули в самом деле. Среди плит
Безмолвных, вечных -- дух глубоко спит,
Бездействуя... Так, как недвижно спят
Огромные деревья,.. как закат,
Раскинутый над миром. -- Погружен
Великий мир в священный общий сон.
Тс-с... В тишину спускается орган.
Дух входит внутрь, как тело в океан,
И тонут страхи и мечты мои
В чистейшем бесконечном Бытии.

2

Наш мир бессоницею болен.
Он пустотел. Вот почему
Блуждают призраки на воле,
А не спускаются во тьму

Священную -- в жилище ночи,
Так медленно растящей свет...
Блужданье полых оболочек,
Которым остановки нет, --
Скончания, успокоенья,

Того таинственного сна,
Вслед за которым пробужденье.
Неумирание зерна
Есть мертвость поля. Между двух
Миров, -- двух стульев быть хотела
Душа. И вот -- бессонно тело,
И тяжело засыпает Дух.

* * *

Маме
Тебя я видела во сне
Не знаю, час или мгновенье,
Но это было пробужденье
На самой дальней глубине,
Где ты жива...Такая мука,
И столько счастья и тепла,
Что я внезапно поняла
Всем сердцем: кончилась разлука!
И как же я истосковалась
Здесь, среди полубытия!
И как вдали намерзлась я,
Какая набралась усталость!
И как спешила я напиться
Всем светом твоего лица!
Когда долюбишь до конца,

Тогда разлука только снится.

Смерть -- это сон, смерть -- это вздор...

И ведь порой твою улыбку

Мне в сердце доносила скрипка

Всей темноте наперекор.

И эта иволга лесная

Через простор, через дожди

Звенела: я такое знаю!

И ты узнаешь... подожди...

О мертвых. Да, опять о мертвых.

Портрет молчит. Земля нема.

Но если жизнь хоть чья-то стерта,

То значит стерта я сама.

Провал. Последние черноты.

Но смолкнувшие не ушли.

Они сейчас в тени кого-то,

Так, как Луна в тени Земли.

И до тех пор еще не с нами.

Покуда не свершились мы.

Покуда мы ущербны сами,

Как месяц в царстве полутьмы.

Но так, как над земною твердью
Восходит полный диск Луны,
Вот так наступит полносердье,
И будут все воскрешены.

* * *

Я буду жить всегда, как капля света
Как тонкий луч, как музыки струя.
Я буду жить, но только знать об этом
Не сможешь ты и не сумею я.
А тонкий луч протягиваться будет,
И розовеет морей вечерних гладь,
И в мягких фресках стихнувшие люди
Беззвучным приказаниям внимать.
И если ты войдешь в их узкий круг,
И там, застыв, дыханье затая,
Повторишь луч, и взгляд и ритмы рук, --
Я обрету себя, а ты найдешь меня.

* * *

Ни отчаянья, ни тревоги,
А любовь. И блаженно нам

Жизнь отдать и очнуться в Боге,
Жизнь отдать и очнуться там,
Где ни слова нет. Смолкли вздохи, --
Путь окончен, оборван труд.
Здесь себе не берут ни крохи,
А лишь только дают... дают...
Боже мой, бесконечный Боже,
Неизбывная благодать!
Ты иссякнуть уже не можешь --
Все до капли -- и вновь давать...
Был нам век на земле отпущен,
Чтоб собрать, чтоб вобрать весь свет.
Смерть -- порог для одних берущих,
Для дающих -- порога нет.
Не ищите нас -- вечно мимо,
Вечно вспять -- мы не там, не тут --
Есть источник неистощимый --
В мир потоки любви текут.

ЧАКОНА

1

Куда ты? -- Никуда и ниоткуда.
-- Пстой! Зачем? Ведь ты идешь по мне!
За веткой ветвь, над грудой -- снова груды
И крутизна стоит на крутизне.

Но Ты... ты плачешь? Ты, неумолимый,
Строитель скал... но разве только скал?
По мне... в меня, и -- никогда не мимо;
Мой каждый нерв в Твоей руке дрожал.
Мой каждый нерв... о, Боже, слезы эти,
Они... они... везде, везде -- они.
Пространства в сердце входят на рассвете.
С орбит своих срываются огни.
Ты плачешь, но давно осталось горе
Там, на земле... О, как там воет страх!
Я -- без земли. В ничем. В открытом море.
Я в тихой бездне, -- у Тебя в слезах.

2

О, дай им слез, чтоб все места и даты
Смешались вдруг, как в небе облака!

Чтоб сорвалась и потекла куда-то
Вселенная, как полая река.
Дай горьких слез, чтобы по всей вселенной
Душа втекала внутрь души живой,
Чтобы осели и размылись стены
И больше не "о стену головой" ...
Слез, слез им дай! Размой же их границы
Волною безграничности своей!
Еще! Еще! Чтоб нищенкою биться

Не стала б больше Вечность у дверей

Их душ...

3

Благодарю Тебя за дождь!

Благодарю за смерть!

За то, что вырвал и сожжешь

Ту высохшую жердь!

За то, что бездне причастил

И утопил в огне!

Благодарю, Податель сил

За то, что Ты -- во мне!

4

Умри! Но воскресни!

Все выбрось! Но будь!

Средь бездны и в бездне,

Вдохнув ее в грудь

В волне -- над волною,

В слезах, но над горем.

Есть остров покоя

В рыдающем море.

Есть остров, где хоры

Блаженных, надзвездных...

Есть остров, в который

Дорога -- сквозь бездну.

Все тем же незамеченным путем,
В той глубине, где тихо и темно,
Вершит Душа таинственный подъем, --
И жизнь и смерть -- для Духа все равно.
Так, как росток через земную твердь
Пробился, подымаясь в высоту,
Вот так душа проходит через смерть,
Пересекая тайную черту.
И нам страшны совсем не пуля в грудь,
Не дней земных неумолимый ход,
А то, что остановит этот путь,
Подъем души внезапно оборвет.
С кем это случилось, посмотри сюда,
Остановись, куда бы ты ни шел,
И вслушайся, как движется звезда
И шаг за шагом ввысь уходит ствол.
Куда бы ты ни шел, остановись.
Нет для тебя ни "прежде", ни "потом".
И нет сторон. -- Путь Духа -- только ввысь.
Вот с этой точки начинай подъем.

И наступила Тишина, как Смерть.

Или бессмертье.

Да, в мире умирают только шумы.

А то, что остается в Тишине,

Что Тишины великой не боится,

То медленно всплывает к нам в сердца.

Как дух в освободившуюся душу.

Как вы боитесь смерти!

Как просите Меня избавить вас от смерти!

Меня? Но разве вы Меня зовете?

Вы отвернулись от Меня и смотрите

В другую сторону.

Я восхожу из смерти.

Всегда из смерти.

Как солнце опускается на запад,

Всходя с востока,

Так Я восхожу из смерти

И погружаюсь в жизнь.

Разрезом через грудь -- торжественное пенье.

Но верь или не верь, не встанет во плоти.

Смерть -- это не конец. Но и не продолжение.

Смерть -- это не конец! -- Но дальше нет пути.

Остановились дни. И тот, кто был нам ближе

Ладони собственной, стал дальше, чем звезда.

Смерть -- это не конец! -- Но более не вижу.

Смерть -- это не конец! Но -- что она тогда?!

Через весь мир черта. Нам всем предел
положен.

И нам не перейти вовек на берег тот.

Смерть -- это не конец. Но, Боже, Боже, Боже!

Вся Бесконечность вдруг, как рана, предстает.

И слышен мощный вал вселенского прилива.

И -- все вмещает внутрь разверзшаяся грудь...

Смерть -- это не конец -- Вмещение обрыва.

Смерть -- это не конец, а повеленье: будь

Совсем без ничего! О, это возвращенье

В торжественную тишь!... Ты сам себе ответ;

И может только тот дожждаться воскресенья,

Кто увидал простор, где форм и линий нет.

Где больше ничего не видно и не слышно, --

Лишь только этот гул, лишь только этот вал...

Смерть -- это не конец. Но дай нам сил,

Всевышний,

На полный поворот к началу всех начал!..

ФАВОРСКИЙ СВЕТ

* * *

А Свет какой! Какой здесь свет!

Мир истончился. Больше нет

Препятствий... Все насквозь отверсто.

И тихо высветилось Сердце.

И оказалось, что оно

И дарит свет. ДавнымОдавно

С рожденья мира Сердце светит.

Да только кто его заметит?

Его светящее тепло

Вселенским телом обросло.

И сколько нам ни говори,

Что близок Бог, что Он внутри, --

Он не заметен. -- Нет и нет.

Но этот все пронзивший Свет!..

Ты был. Ты есть. Пускай они не знали

И, видя, говорили: нет.

О, Ты, пронзивший лес и дали,

Насквозь пронзивший сердце свет!

Ты больше был, чем вещество,

Чем образ явленный, готовый,

Но Ты не знал ни одного

Навек заученного слова.

А все -- творил. О, эта тишь

Сквозь все слова, как свет сквозь чашу!

Ведь все молчит, а говоришь

Лишь только Ты, -- всегда молчащий.

ДАНАЯ

Вся эта комната пуста,

Чтоб Ты ее заполнил сразу...

Ловлю твой вздох, не видя рта,

И пью твой взгляд, не видя глаза.

Так жарко там, в груди моей,

Такая нежность, глубь такая!..

Зачем свидетельство очей,

Когда Ты внутрь души втекаешь?

Такая тишь втекает в дом,

Что слышен каждый всплеск небесный,

Как будто послан мир ковром

Перед стопою бестелесной

Твоею, Свет. Иди... Иди...

Ты -- господин всего, Ты в праве.

Твой каждый шаг в моей груди

По солнцу новому оставит.

А березы ликовали
Так, как будто вскрылись дали,
Точно почки; и глубины
Развернув, внезапно хлынул,
Солнцем мартовским согрет,
Белый, белый, белый цвет!

А где-то... Нет, совсем не где-то,
А здесь, в окне -- безбрежье света.
И -- вышел срок.
Совсем не где-то, не когда-то,
А нынче может встать Распятый.
Ты жив, мой Бог!

О, малолюбы, маловеры,
И нам -- без края и без меры
Сплошной поток!
О, свет, ломающий запруды!
Зачем просить у Чуда -- чуда? --
Ты есть, мой Бог!

Конец отсрочкам, расстояниям,
Вымаливаньям, ожиданьям,
Жизнь -- это Ты!

Ты -- затянувшаяся рана.

Ты есть, так значит я восстану.

Гроба -- пусты!

Легкий хрупкий свет осенний

Залил все окно.

И дано мне во спасенье

Дерево одно.

Намолчавшиеся сосны

С высоты глядят.

Во спасенье сердцу послан

Этот тихий взгляд.

Свет, разливший в небосводе

Чудотворный Спас,

Сколько лет Ты к нам приходишь

Во спасенье нас!

В память о прощальном часе

Через все года

Ты глядишь нам в души, Спасе,

Молча, как тогда.

Новых слов уже не будет.

Истина проста.

-- Не отчаивайтесь, люди! --

Он просил с креста.

Нет свидетельств воскресенья.

Доказательств нет.

Только то, что стал спасеньем

Этот хрупкий свет...

Осень -- это призыв. Птицу тянет на юг,

А душа собирается к Богу.

Постепенно земной размыкается круг

И такая сияет дорога!

О, мощный торжественным золотом путь,

Золотые дрожащие свечи...

От прощанья ль моя разрывается грудь

Или, может, в предчувствии встречи?

Может, все, что потеряно, ждет впереди?..

Нам неведом таинственный жребий...

Знаю лишь: разгорается сердце в груди,

Когда свет догорает на небе.

Как я люблю безмолвье сентября!

Душа немеет у себя на тризне.

Холодная, осенняя заря

Нам говорит об остановке жизни.

Ты больше не участвуешь в борьбе

И не нужны ни громкость и ни сила.

Жизнь тихо собирается в себе

И как кристалл светящийся застыла.

О, этот свет! Что значит ветра свист

И дождь холодный, хлещущий нам в лица?

Лишь только тот слетает, точно лист,

Кто сам в себе не смог остановиться.

Торжественная осень. Торжество

Отягощаемого Богом сердца.

Святая тяжесть сердца моего --

Торжественное постижение смерти.

Немой пророчицей она идет,

В одежды огнецветные одета,

И обещает не покой пустот,
А беззакатность и бездонность света.

Огромное пунцовое крыло
Мерцает и полощется в просторе.
О, Боже, как блаженно тяжело:
Любовь и жизнь друг с другом
в сердце спорят.

Любовь жар жизни тайно собрала,
И он готов от жизни отделиться.
Вот почему полощутся крыла
В незримость отлетающей Жар-птицы.

* * *

Я видела, как в глину входит Дух --
Была гора горой и камнем камень.
И светом свет. Все порознь. И вдруг
Внутри горы зажглось такое пламя,
Что мертвый камень к жизни пробужден
И, даль пронзая взглядом Серафима,
Стал тонкой осью всех земных времен
И центром всех пространств необозримых.

ЕЛКА

Как мир творится? -- Очень просто:

Немного солнца и луны,

Немного бархата и блесток,

Грибов, бельчат короткохвостых

Голубоватой седины

И переливчатых хрусталин,

И разноцветного стекла, --

Диван, и стул, и пол завален

И два составленных стола.

Все под рукой, все обозримо:

Морские девы, добрый гном,

Комки серебряного дыма

И терем в царстве ледяном.

Но все не смеют взяться руки,

Еще творец, как твари, нем, --

И только сердца перестуки

И перезвон всего со всем.

И только нарастанье жара

И эта блестящая смесь, --

Как вдруг нечаянным ударом

Пронзает что-то хаос весь,

И связывает воедино

В мир -- в то живое существо,

Где все касается всего

И Дух господствует над глиной.

И был расплавлен и свободен
Простор, как Божеская длань.
И свет звучал, как глас Господень,
Велевший сердцу: Лазарь, встань!
И встал, обвитый пеленами,
И все лучи на нем сошлись.
Снаружи -- гаснущее пламя,
Внутри -- зажегшаяся жизнь.

И вдруг... О, это вспыхнувшее "вдруг"!
О, эта перевернутость Вселенной!
Какой Амур натягивает лук,
Чтоб это сердце поразить мгновенно?
Был день, как день. Но как же я могла
Не знать, не видеть, не заметить это?
Откуда вдруг вонзилась в грудь стрела
Навылет прошибающего света?
И вот душа открыта всем ветрам.
Не отличить блаженства от ненастья...
Ведь откровенье не дается нам,
А нас внезапно открывает настужь.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

(по картине Эль Греко)

Он здесь.

Увидь.

Услышь,

Узнай.

Я прибыл прежде.

В моей руке трепещет край

Его одежды.

Вся даль небесная вплыла

Горящей тканью.

Мои великие крыла --

ЕГО дыхание.

Открой для вести чуткий слух:

Сверкнувшей птицей

Его миры творящий дух

В тебя стремится.

Да будет эта ткань снята!

Он -- у порога!

Твоя святая нагота --

Простор для Бога.

Так приготовься перенести

Мощь полногласья, --
Ведь я принес благою весть
О смертном часе.
Прервался разом бег времен, --
Нет круговерти.
Сей благовест -- могучий звон
Рожденных смертью.

Так не ищи ногами дна,
Не жди покрова.
Ты больше не защищена
От жара Слова.
Твоя душа выносит свет
Невыносимый.
И разделенья больше нет:
Ты Им -- любима.

Не верь, что мне чего-то надо,
Я притворяюсь, чтобы быть
Понятней вам. Чуть вздрогнет нить
Луча... И там, в середине сада,

Весть вспыхнет, крыльями шурша...
Ведь я -- Душа, одна душа

Давно уж... Точно облетела
Листва с березы, точно так
Я как-то потеряла тело,
Когда вдруг ринулась во мрак
Любимых глаз, как в ночь, в окно... --
Жизнь -- смерть, -- мне было все равно.

Смерть есть для тел. А нам дана
Лишь Вечность. Только лишь она,
Совсем не знающая края,
Боль или радость? -- Я не знаю,

Боль или радость вдруг прожгла
Покров мой до клочков, до тла?
Но что мне было до покрыва?
Я тыщу раз была готова
Вся ринуться на первый зов.
Забыв, что где-то есть покров.

Душа -- для всех. И покрывало
Ей -- все и вся. И я не знала,
Что, может быть, всего трудней
Вам жить душой -- душою всей.

И вот узнала. И застыла

От ужаса. -- Сама могила
Тебе не так страшна, как я --
Как беззащитная твоя

Душа. Вся скорчившись от дрожи,
Без ничего -- совсем без кожи, --
Без тела -- истинно гола --
Смотрю я, как живут тела
Мои...

Луч приближается к карнизу
Скалы. И -- миг неотвратим:
Грядет торжественная близость
Души с Создателем своим.
Огня сквозного неизбежность.
Один лишь миг и -- рвется связь.
Но, Господи, какая нежность
В погасшем небе разлилась!

Осень. Осиянное прощанье.
Долгий взгляд и смолкшие слова.
Внутренним таинственным сияньем
Тихо озарились деревья.

Что ж, что меркнет внешнее светило?

Что ж, что дней в запасе больше нет?

Внутренняя, вызревшая сила

Так спокойно излучает свет!

Точно жизнь нашла свой тайный выход --

Смерть не властна над крылом зари.

Наше Солнце опустилось тихо

Миру в грудь -- и светит изнутри.

* * *

Я -- поэт. И, Господи, что значит

Это слово, знаем Ты и я.

Тихо клен склоняется и плачет,

Тихо льется золота струя.

От Тебя ко мне прямою речью,

От Тебя незримого ко мне

Легким золотом струится вечность,

Плещется и жжется в глубине.

Всех листов и всех сердец тревога,

Звон и блеск проходят сквозь меня.

Я -- свидетель вечности и Бога

Посредине естества и дня.

Я свидетель в том, что миг единый,

Краткий миг наш -- вечности стежок. --

Золотой звенящей нитью длинной

Всех и все простегивает Бог.

Я видала... не видала, -- вижу

Этот тайный взмах Его руки.

Он вот здесь, в седой листве, нет, ближе --

Посредине этой вот строки.

Прямо в сердце вдавлен след глубокий --

Золотая вонзена игла...

Как еще возникла б эти строки?

Как бы осень свой пожар зажгла?

Когда средь вымокших иголок

В просвете грозового дня

На ели задрожит осколок

Упавшего с небес огня,

Как бы светило вдруг повисло.

И вот, душа прожглась насквозь

Явленьем неземного смысла --

У мира золотая ось!

И всем словам противореча,

Сверкает тайна между строк;
И прямо в сердце человеческом
Внезапно просияет Бог.

Как просто броситься с откоса!
Как он естественен и прост --
Бросок в сверкающую россыпь
Дрожащих многоцветных звезд!

Одно случайное мгновенье
И -- встретила душа моя
С тем самым Вздохом -- Дуновеньем,
Разжегшим искру Бытия.

Предчувствие... Преддверие... предшаг...
Еще один -- и -- мир уйдет куда-то.
Еще один -- и будет вся душа
Внезапным цельным пламенем объята.
И станет этим пламенем. Тогда
Смерть станет жизнью. А пока -- предсмертье.
Так перед ночью первая звезда
Пунктир дрожащий промельками чертит.
Все станет цельным светом. А пока,
Пока еще родимый мрак не сгинул, --

Дрожащий блеск осеннего листка,
Сквозной прокол пылающей рябины.

Здесь никого. Так полно одиноков
Дух в лабиринте меж ветвей косматых!..
И Ариаднин маленький клубок
Дрожит в руке. Он выведет куда?то...
Дрожащий лист, дрожащий легкий свет...
И поминутно вздрагивает сердце,
Отыскивая затаенный след,
Какую-то неведомую дверцу...
Сюда... сюда... и ты ее найдешь --
Сквозь темень нить тончайшая продета.
Сама твоя ликующая дрожь,
Сердечный всплеск -- вернейшая примета
Пути, который кончится тогда,
Когда весь свет в клубок горячий стиснув,
Живое сердце вспыхнет, как звезда,
На целый мир разбрызгивая искры.

И вспыхнул вдруг Фаворский свет.
Когда весь мир сошел на нет,
Когда душа упала ниц,

И вдруг из тысячи частиц
Кусков, осколков и дробей
Во всей нетленности своей
Из глубины глубин восстал
Тот совершеннейший кристалл,
Что был в начале всех начал.
И снова нераздроблено
То сокровенное Одно,
Что в высший наш, в великий час
Вдруг вспыхнуло, как Божий глаз.

Остановитесь! Свет идет!
Кто, кто сумел остановиться,
Чтобы увидеть дня восход
И заглянуть за дней границу?
Остановиться на пути
Своем -- не важно кто ты, где ты.
А важно дать сквозь грудь пройти
Безостановочному свету.

А в свете -- все живы, и вот почему
Ликующий этот весенний
Свет хлынувший, свет, разгоняющий тьму,

Есть мощная песнь воскресенья.

Все мертвые живы! Пусть скрылся мой след,

Но если ты выпьешь небесный,

Из божьей ладони пролившийся свет,

Я с каплей последней воскресну!

Когда пройдет так много верст и лет,

Что вымысла ты вычерпаешь море

И стукнешься о правду головой,

Тогда поймешь, что Бог -- не то, не это,

Что Он лишь только полнозвучье цвета,

Венок рассвета и цветов расцветы,

И линия безлистных голых веток --

Внезапный блеск, светящийся поток.

Но блеск -- не блеск, предметы --

не предметы,

Уже не цвет -- все полнозвучье цвета,

И этот ствол -- не только ствол, но Бог.

1

Час собирания, когда

Вином становится вода.

Лучом последним зажжено,

Все море -- красное вино.

И цвет загустевает так,
Что миг один и -- полный мрак.
Но и в ночи светло, как днем:
Душа становится огнем.

2

Итог и осмысленье дня --
Час собирания огня.
Со все сторон из разных мест. --
Он не вдали и не окрест, --

Огонь покоится внутри.
Час собирания зари,
Час просветленного конца.
Кончина твари. Час Творца.

ПРОЗРАЧНЫЙ ЧАС

* * *

Все нежней, розовой, голубей,
Все прозрачней заречные дали...
Утешение наших скорбей --
Красота неизбежной печали.

Появляются капельки звезд,
Ледяная кайма заблестела...
Умирание -- медленный рост,
Вырастанье души из предела.

И ты смотришь на берег другой,
Бесконечной тоскою объятый,
Точно кто-то, как жизнь дорогой,
От тебя уплывает куда-то.

Удержать бы... склониться в мольбе...
Но -- лишь отблески ветка качает...
Он уже не ответит тебе, --
Он себе самому отвечает.

В нем уже не найдешь ничего
От метаний и мук человека. --
Тихо смотрит в себя самого,
Как вечернее зарево в реку.

Чей-то дух превратился в простор,
Перешел через нашу границу.
С ним уже не вступить в разговор, --
Можно только ему причаститься.

А тишина!

А тишина!

Как будто я не рождена.

Как будто бы не прервалась

Та сокровеннейшая связь,

Та пуповина бытия... --

Не разделились Бог и я.

Час безмолвия.

Взгляд во взгляд.

Сердце полное --

Вот и свят.

Сердце полное -- собран свет.

Вспышка молнии:

Смерти нет.

Дрожь хрусталинки --

Свет лица:

В капле маленькой --

Все солнца.

У предела я.

Тишина.

Жизнь всецелая

Вмещена.

И не может быть

Впредь полней.

Чаша Божия...

На, испей!

И Ночь пришла. И мир затих.

Он снова цельный и невинный

И вновь раскрыл для нас двоих

Свои бездонные глубины.

Дрожит на стенке тень ветвей,

И нарастает жар сердечный.

Прильнув щекой к груди твоей,

Я погружаюсь в Бесконечность.

Ее пространствами дыша,

Всем сердцем чувствую, всей кожей,

Как расправляется Душа

И что Она пройти не может...

Нарастанье, обступанье тиши...

Нас с тобою только сосны слышат.

Прямо в небо, прямо в сердце вниди...

Нас с тобою только звезды видят,

Наклонившиеся к изголовью.

И остались мы втроем -- с Любовью.

Для того лишь и замолкли звуки,

Чтоб Она смогла раскинуть руки.

Для того лишь мир и стал всецелым,

Чтоб Она смогла расправить тело.

Задрожали, растеклись границы,

Чтоб она сумела распрямиться,

Каждый миг ушедший воскрешая...

Боже правый, до чего большая!

Боже святой, до чего огромна!

Кто сказал, что Ей довольно комнат?

Кто задумал поместить под крышу

Ту, которая созвездий выше?

Кто осмелился назвать мгновенной

Ту, которая подстать Вселенной?!

А тишина приобрела

Вещественность. Она была

Не просто прекращеньем шума.

Она была самой собой.

И каждый блик, и ствол любой

О ней одной все время думал.

И потерявшая дар речи,

Душа ждала великой встречи...

* * *

Все тишина... Такая тишина,
Как будто бы душа у всех одна.
И чтоб обнять все то, что есть вокруг,
Излишни и движение и звук.
И то, что там у мира в глубине,
Течет и разливается во мне,
И нет минуты, выпавшей из дня,
И нет у Бога тайны от меня.

* * *

Первая весть листопада --
Воздух набух тишиной.
Медленно тает преграда
Меж небесами и мной.
И -- засквозили глубины...
Виден грядущий исход --
Тайно горит сердцевина,
Сердце незримое жжет.
Стал набухающей почкой
Этот осенний покров.
Дух от земной оболочки
Освободиться готов.
Скоро, о, Господи, скоро --

Ни разделений, ни дна.

Только разлитость простора,

Только прозрачность одна...

Не тот, кто говорит со мной,

Приносит мне благие вести,

А тот, кто словно дух лесной,

Как свет, молчит со мною вместе.

Кто, позванный на тайный пир,

Как чашу разопьет со мною

Молчанье глубиною в мир,

Молчанье, в сердце глубиною.

Поэзия -- не гордый взлет,

А лишь неловкое старанье,

Всегда неточный перевод

Того бездонного молчанья.

В часы блужданий без дорог,

Утраты горькой,

Что может дать молчащий Бог?

Себя -- и только.

Что может дать душе ольха,

Склонясь к рябине?

Покой серебряного мха
И темных линий.
Стволы, увитые плющом,
Небес просветы...
Ты хочешь что-нибудь еще?
А есть лишь это.
И бьются бедные слова
О бедность истин,
И покрывается трава
Слезами листьев.
Их медленным круженьем весь
Простор укачен.

Твое бессмертие вот здесь
Молчит и плачет.
В часы блужданий без дорог,
Утраты горькой,
Что может дать молчащий Бог?
Себя -- и только.
Но для тебя Он слишком прост, --
Душа мечтала
О большем... От земли до звезд --
Ужели мало?

Луч последний лег на сосну.

Отпусти меня

в тишину.

Как далекую птицу ту,

Отпусти меня

в пустоту.

Отпусти меня

в тот просвет,

где ни имени

и ни лет.

Где ни гения,

ни калек,

где мгновение

длится век.

И задача вся, все дела --

Те прозрачные

два крыла.

Тонкой ткани их

разворот,

И смыкание

в целый свод.

Мир разрозненный

с глаз исчез.

До и после нас --

тишь небес.

И не зримая никому,

Все любимое

обниму.

Над водой разливалось такое затишье

От зари!..

Горы словно склонялись, как перед Всевышним

В тайный час свой -- цари.

Поникал, словно тихо вставал на колени,

Перед светом простор.

Наступал высший час -- час немого служенья,

Час смирения гор.

Камень стал невесомым и проникновенным,

Как вода или дым.

И училась Душа замолкать совершенно

Перед Богом своим.

Лес что-то мне сказать хотел,

Но не было ни слов, ни знаков...

И он смирился, просветлел,

И чуть склонившийся заплакал.

Ни от чего... ото всего...

Дуб плакал, плакали березы...

Всем светом сердца своего

Лес истекал, роняя слезы.

Дух был вот тут. Он тек и тек

Светящейся, беззвучной дрожью.

Вот так, наверно, плачет Бог,

И дни текут, как слезы Божьи...

Ты слишком "здесь". А где-то "там",

Там, за окном -- ветвей сплетенье.

Так просто дышится цветам,

Так просто длятся отраженья

И продолжения твои.

Твой четкий контур там утрачен.

В зеркальном инобытии

Ты весь бессмертен и прозрачен.

И не мешаешь никому.

И нет ни боли, ни испуга.

Как просто свет идет сквозь тьму

И все проходит друг сквозь друга.

И продолжается в других.

И потому и в снах, и в бденьи
Весь мир сплетается, как стих,
И тихо длятся отраженья.

Холодный день. Как бы в пустоты
Плывущий дом. В нем -- ни словечка.
И только отзвук -- где-то ... что-то...
Дрова потрескивают в печке...
Огонь горит, как сердце бьется.
Пусть хлещет ветер за стеною,
Огонь горит, и остается
Лишь только быть... А что иное?
Лишь только будь... как в раннем детстве.
В чем смысл глубокого затишья?
Быть может, в этом чувстве сердца...
Нам сердце собственное слышно.

Как высь прозрачна и ясна,
И каждый лист почти изваян.
И воцарилась тишина,
Какой, казалось, не бывает.
В шуршаньи трав, в жужжаньи мух,
В листа замедленном полете

Расслышать можно только Дух,
Безмолствующий в каждой плоти.
И можно жить, как Бог велел:
Вот так, как жили б люди, если
Все умершие вдруг воскресли,
А всем живым сверкнул предел.

Когда отцарствует заря
И в небе проступают точки
Звезд робких, -- эти одиночки,
Между которыми моря
Пустот молчащих, отчего нам
Так надо в эту высь, туда,
Где чуть дрожа над горным склоном
Восходит первая звезда?
Там мириады душ, которых
Ничто не давит, не теснит.
О, сколько каждому простора!
И каждый каждому открыт...

Я знаю, где-то здесь, неподалеку,
А может быть, за тыщу лет отсюда
(И все равно, неподалеку) есть

Пространство, где живут стихи.
Никто их не читает и не пишет,
Никто их не пугает и не ловит,
Как птиц, взлетающих с куста на куст.
Они живут, как птицы среди веток,
В своем прозрачном трепетном
пространстве
И из души перелетают в душу,
Как с дерева на дерево другое.
И души их не спрашивают: "Чьи вы?"...
Какое там стоит благоуханье!...

ЗеленоватоОбурый холм,
Как линия застывших волн,
Как тихой песни вечный след...
Вот этот холм собрал весь свет
Закатный. Тот, что был везде
Разлит, -- на небе и в воде,
На склонах и на гребнях скал,
Сейчас ему принадлежал,
Единственному на земле,
Еще не скрытому во мгле.
И не кусок, забытый здесь,
Случайно вырванный, а весь

Свет нашел сейчас свой дом,
Пусть на миг, но в нем одном.
И этот бесконечный миг
Был так глубок и так велик,
Как образ тот, в котором мог
Собратся вездесущий Бог.

В вечерний час
Свет входит в нас
Так, как в гнездо влетает птица.
Мир замолчал, закат погас.
Но в тьме молчанья дух гнездится.
Свернуться смог в грудной комок
Морской простор с плывущим дымом.
Весь свод небес в груди исчез
И в нас горит огнем незримым.

Дух у плоти передышки просит,
Духу в мире пауза нужна.
Говорят, что наступает осень --
Это наступает тишина.

Это подступает издалёка,

Медленно пронизывает нас, --
Может быть, невидимое око,
Может быть, неслышимый рассказ.

Ни надежд, ни праздничности летней.
Мало птиц, листва -- как решето.
Мир прозрачен, и теперь заметней,
Ближе к нам и явственнее... Что?

Что это окутывает душу,
Тайное пророчит торжество?
Мы отговорили. Надо слушать.
Замолчать и слушать... Но кого?

А сосны ждали много лет,
Пока какой-нибудь поэт
Все преходящее стряхнет
И приоткроет в вечность вход.
Отбросит многолетний хлам,
И вдруг увидит: это там,
Куда сквозь все земные сны
Вел сердце длинный перст сосны.

Что значит Вечность? Чуть шуршит прибой

И даль такая сказочно большая,

Что воссоединению с собой

Уже ничто на свете не мешает.

И вырастает сердце в полный рост

И открывает новый край за краем,

И с самых ближних и с далеких звезд

Себя само по крошкам собирает...

Окаменев, над ним стою,

И оживает только память.

Связало море жизнь мою

С давно ушедшими веками.

Пустой простор как сердце нем.

Но, Боже мой, с какою силой

Он смог связать меня со всем,

Что есть, что будет и что было!

А где-то только день один

То, что для нас тысячелетья...

Вот почему люблю глядеть я

На контур каменных вершин.

Что мне с того, что есть миры,
Откуда я и не заметна?
Но если весь покой горы
Пересечет земные ветры...

Но если вдруг остановить
Все мельтешенье нашей мысли,
Сверкнет связующая нить,
На коей все миры повисли.

И точно тонкий птичий крик,
Ворвется вдруг иное знание:
Что этот мир -- не окончанье,
И что священен каждый миг.

* * *

"Замри!" -- сказал Господь, и стала
Душа живая навсегда
Немой, недвижимой, точно скалы,
Зеркально -- чистой, как вода.
И перед нею проплывает
Душ беспокойных хоровод.
И ни одна душа живая
Сестры своей не узнает.

А Истина безмолвна. Все слова
Лежат в изнеможении, в бессильи.
Она растёт сквозь них. Она жива.
И в немоте раскидывает крылья
На целый мир. Такая тишина!
Нет будущего. Прошлого не помню.
О, Господи, насколько же она
Меня мудрее, глубже и огромней!
Как бы остановившись на бегу,
Внезапно перед морем я застыла...
Какое счастье жить на берегу
Того, что сердце исчерпать не в силах!..

Ничто...
Торжественные скалы
И моря синее стекло.
Все смолкло. Ничего не стало.
И Ничего во мне росло.
Когда же весь простор безмолвный
Вошел внутрь сердца моего
И мера оказалась полной,
То мир возник из ничего.

В гуще жизни, в гуще света,
В ивняке над самой речкой,
В гуще сосен, в сердце где-то
В глуби сердца -- ни словечка.
Что-то здесь сквозит и дышит,
Что-то зреет, что-то любит...
Не гадайте -- тише... тише...
Мы подходим к самой глуби...

Леса, леса, леса, леса.
На два часа, на три часа...
Бессрочным, бесконечным днем
Дух кружится в себе самом.
За кругом круг... еще один...
Открытие собственных глубин,
Освобождение от оков
Давно недвижимых пластов,
В которых сто веков подряд
Миры неведомые спят.

Тусклый день, почти совсем бесцветный,

Но такой покой в моем окне!
Даже небо стало незаметным
И плывет в полупрозрачном сне.
Затаилось сердце, точно кокон --
Крыльев неродившихся приют...
Так спокойно, вечно и высоко,
Может быть, в посмертии живут...

* * *

И птичьи песни недопеты
И в сердце жалоба слышна...
Как будто не настало лето,
А осень рядом, вот она.

Неоспоримо, незаметно
В мир тишина ее вошла,
Осела, точно снег на ветках,
Торжественна и тяжела.

И с тайной зоркостью своею
За вихрями провидит гладь...
Так что ж мне, плакать вместе с нею
Иль вместе с нею прозревать?

* * *

Дождь. Не движется. Не спится.

Шорохи ветвей.

Жизнь, как белая страница --

Ничего на ней.

Волны тайного покоя,

Далей колдовство...

Возраст? Что это такое?

Опыт? Нет его.

Дух развязан и отпущен

И совсем один.

Нет ни прошлых, ни грядущих

Ни заслуг, ни вин.

Точно жизнь совсем сплошная.

Стерты все края.

Точно душу промывает

Вечности струя.

Все свершенья, все поступки,

Все слова -- пусты.

Смыты строчки, смыты буквы --

Только я и Ты.

Только плещущая влага,

Шорохи ветвей.

Только я -- Твоя бумага.

Ты -- рука над ней.

Я дождь люблю за кротость и смиренность.
За то, что в ветках каплями шурша,
Дает нам слышать, как прозрачной тенью
Течет по руслам мировым душа.

Я дождь люблю за то, что все отринув,
Он повернул часы и мысли вспять
И говорит нам всем, что мы едины
И что пора бы нам про это знать.

Я дождь люблю за тот неодолимый
Наклон вовнутрь. За этот шаг сквозь нас,
За то, что он весь сор из сердца вымыл
И выплакал прощенье хоть на час.

Прозрачный час. Истаиванье дня.
Последний свет на блеклом небосводе.
Деревья проступают сквозь меня
И медленно к твоей душе подходят.
И так тиха сейчас душа твоя
И так недвижим и прозрачен вечер,
Что сквозь тебя вдруг проступаю я,
И длится нескончаемая встреча.

Свет замирал в тот тайный час...

Да нет, он не потух.

Он просто на глазах у нас

Преображался в дух.

Не ослепителен, не жгуч, --

Простясь со всей тщетой,

Луч таял, превращался луч

В Дух света, Дух святой...

И длится долгий час любви --

Час постиженья, час зачатья...

О, Господи, останови

Часы во глубине объятья!

Вся в замирающем огне

Морская гладь, как глаз провидца.

Дай мне постичь Тебя во мне!

Дай мне самой в Тебе открыться!

Белизна моя родная...

Тсс.. Не смею идохнуть.

Жизнь сначала начинаю.

Снова выбираю путь.

Ненарушенного света

Нескончаемая гладь.

Снова выбираю эту

Невозможность выбирать.

Это белое затишье,

Небо с Господом на дне,

Эту верность воле Вышней,

Не дробящей душу мне.

Стих пишется, когда ни шагу

Не можешь сделать, -- прерван бег.

И мир ложится на бумагу,

Как тень от дерева на снег.

ПРОСКВОЗИТЕ

МЕНЯ, ПРОСТОРЫ

1

Есть радость, чистая, как капля

Воды в луче, как водомет,

Который вдруг из сердца бьет

Сквозь все пласты тоски и боли,

И разливается, как в поле

Ручей весенний, как река.

Откуда это сердце знает,

Что как бы ни была земная
Юдоль безвыходно тяжка
(Пусть даже смерти тяжелее),
Но там -- над ней... и там -- за нею!..
Ты думал, есть у жизни дно,
А воскресенье -- вот оно!

2

А воскресенье, воскресенье --
Оно и есть ручей весенний,
Звон капель, птица на суку.
Оно стыдит мою точку,
Рассеивает наши бредни
И к нам приходит с той последней

Прозрачной каплею смиренья,
С какой в последнее мгновенье,
Сказав всему и всем "прости",
Мы смерть смогли перенести.

* * *

Весь внутренний простор открыт.
Здесь внешних нет. Здесь все есть я.
Душа бескрайняя моя
Сама с собою говорит,
Как птица. Это вот и есть

Непрекращаемая песнь.

И зачем глаголы вам?

Все смешалось в звоне.

Запрокинуть головы

И разжать ладони...

Что-то здесь готовится --

Сговор против смерти.

Время остановится

Под напором сердца!

Струи водопадные,

Крепнущая сила...

Вот Оно, громадное --

Все остановило.

А черемуха провисла

Белоснежным коромыслом

Через липу и осину,

Сквозь березу и рябину.

Неужели эта стая

Птиц небесных улетает?

Отцвела и облетела,

Только ей какое дело?

Кто-то, кто душе навстречу
Вынес белые соцветья,
Кто сиреневые кипы
На пути моем рассыпал,
Кто меня с такой любовью
В мир позвал, -- свое условие
Мне поставил: чтоб ни разу
Вспять не обернуться глазу.
Он сказал: любая малость, --
Все, что позади осталось,
Каждый листик дорогой, --
Все найдется, но с другой
Стороны, -- не там, где ищешь,
Но на старом пепелище...

И вот пьяны весенним духом...
Хоть знаю я, что я старуха,
А ты -- старик. Жизнь пролетела.
Да только нам какое дело?
Какое дело листьям этим
До всех тревог и мук на свете,
До всех болезней, слез и бед,
До будущих и прошлых лет?
Какое дело нашим душам

До этой несусветной чуши,
Когда до края, через край,
Нас переполнил этот май?
А ведь душа, она, быть может,
С весною каждой все моложе...
Как через дали, -- через годы.
Разбег и -- в вечность, словно в воду!

Дыханье тающего снега!
А сосны с елями сплелись,
Как будто тысячи побегов
Из сердца -- в даль, из сердца -- в высь!
И в сердце -- ни тоски, ни боли.
Оно уже не взаперти, --
Из клетки вырвалось на волю,
Чтобы расти, расти, расти!
Воды сверкающие пятна,
Ручьев и капель голоса!
Как небо, сердце необъятно
И стоголосо, как леса.
Вот почему и в сем апреле,
Как в годы прежние, опять
Все птицы, все крыла слетелись,
Чтобы всем миром ликовать.

И в их гремящем хороводе
Единый, вещий смысл сокрыт:
На свете только Бог свободен,
И потому-то свет стоит.

Голоса, голоса, голоса! --
Их тем больше, чем тише леса.
Их тем больше, чем глуше простор
Глубины с глубиной разговор.
Что ни ствол -- воплощенная мысль,
Что ни слово -- то новая жизнь. --
Стоголосый немолкнувший грай:
Отвечай, отвечай, отвечай!

И ни сюжета, ни развязки. --
Все снова с новой весной.
Художник смешивает краски:
Меня с тобой, тебя со мной.
Какие сны, какие души,
Чей образ, слово, аромат
Мне входят в ноздри, очи, уши --
И что изволят, то творят?!
А там, над нами -- голубое,

Как все вмещающая грудь...
Так дай мне, дай мне стать тобою,
И сколько хочешь, мною будь!
Снега последние сминая,
Восходят первые цветы,
И птицы знают, птицы знают,
Что ты есть я, а я есть ты!
В душе, в соборе, в океане --
В немом слияньи вся и всех,
Вновь птица Духа смерть обманет,
И снова плач вольется в смех!

Весеннее чудо, веселье капли,
Ручьи и потоки, и мир без дорог!
А птицы звенели! А птицы звенели,
Как будто и вправду приблизился Бог.
Кому же еще эти громы оваций
От света, земли и всей твари живой?!
Кому же еще можно так признаваться
В любви и в готовности вниз головой?!

Как он ликует, дух весенний!
Весенний лес, весенний сад!

В неистовом самозабвении
Певцы крылатые звенят.
Непросыхающие слезы
И боль, сгоревшая до тла.
Самозабвенная береза
Восторг зеленый разлила.
Откуда это все? Откуда?
Весенний лист? Весенний свет?
Самозабывшееся чудо,
Душа, которой дела нет
До совлекаемого тлена --
До мер, границы и числа.
Вся жизнь есть хор самозабвенных,
Самозабвенная хвала,
Одно торжественное пенье,
В котором смерть сама -- призыв
К последнему самозабвению...
Кто жив -- тот мертв, кто мертв -- тот жив.

* * *

Не на горе и не во храме,
Не "около", не "где-то здесь" --
Бог там, где все -- сплошное пламя,
Где только Он один и есть.
Где все пускается с откоса,

Но дух невозмутимо тих,
Где больше нет о Нем вопроса
И нет сомнений никаких.

* * *

Березовые струи, --
Струенье белых стрел
Куда?то в гладь сплошную --
Один сплошной пробел
Меж нами, -- законность --
Из комнат в мир, к окну,
Обрыв в неотделенность.
Впадение в глубину.
Уже ни слов, ни тела, --
Мы больше не видны. --
Лишь белое на белом
Внутри у белизны.
Штрихов неразбериха
Случайный, краткий звук, --
Лишь тихое на тихом
И тишина вокруг.
Бездонные провалы,
Вселенной длинный зов...
О, только б не кончалось

Струение стволов!

Берез и неба млечность,

Снегов и крыльев пух...

Вхожденье в бесконечность,

Затягиванье в дух...

Касание снега, дыханье мороза,

Березы, березы, березы, березы...

Березы и сосны, березы и ели.

Кусты забелели, синицы запели.

Стволы окружали, стволы закружили, --

Затерянность в дали, затерянность в были...

Пропась, затеряться... Потеря дороги,

Потеря стремлений, потеря тревоги,

Потеря заботы и той постоянной

Сосущей, зовущей и ноющей раны.

Потеря обиды, потеря досады,

Потеря всех "должно", "обязана", "надо"...

Другая страна ли, планета другая?

Душа, как праматерь, гуляет нагая.

И Бог по соседству, но дьявола нету,

И нету соблазна и нету запрета.

И нету змеиного страшного знанья, --

Потеря седин и потеря страданья.

И тишь неземная и хор стоголосый. --

Потеря ответа, потеря вопроса...

Сплетенные ветки -- слиянные лица. --

Потеря стены и потеря границы.

Как будто изгнанницу вновь возвращают

В забытые кущи родимого рая.

Распахнуто сердце, как райские двери.

Изгнанье изгнанья! Потеря потери!

* * *

Нет, не стихи. Они умрут.

Всего лишь несколько минут,

Чуть-чуть поболее, чем нам,

Отведено моим стихам.

Мои бессмертные стихи

Недолговечней, чем листки,

Которые сдувает вихрь.

Но Вечное дышало в них.

Нет, не стихи -- не ты, не я,

А мимолетность бытия,
Та молния, что лишь на миг
Сверкнула из священных книг.
То, что повеяло -- и нет,
Оставив свой дрожащий след,
Который постепенно гас,
Веками догорая в нас.

* * *

Веселиться! Веселиться!
Звонко тенькает синица,
А весенняя вода
ИзПод смерти, изПод льда,
С того края, с того света
Пробивается с приветом
К нам от Бога самого.
Что сказал ОН? -- Ничего.
Ничего, что сил не стало,
Ничего, что ты устала,
Что, как камень, тяжела,
Ничего, что умерла.
Стоит только оглянуться, --
Это ангелы смеются --
Над бессильем, над судьбой,
Над концами, над тобой.

Позабудь земное имя,
И засмейся вместе с ними!
Что от страха твоего
Здесь осталось? --
Ничего!

Когда зальется соловей, --
Тут вдруг со дна души моей,
Из самой глубины, поднялись
Фонтаны звезд -- в такую высь!
О, тут уж -- не от сих до сих,
Не спотыкающийся стих,
Тут -- все! Тут -- сердце раствори,
И -- целый Бог -- уже внутри,
И целый лес, и целый май...
О, только грудь не разрывай!
И смысл всего, что есть вокруг, --
Вот этот мимолетный звук,
Звенящая вот эта весть
О том, что все, что в мире есть,
Что бесконечность вся сполна
Быть может в точке вмещена,
И эта точка здесь, в груди.
Так погоди ж ты, погоди...

Постой, постой, постой, постой!

Дрожащий листик золотой!

Побудь таким же... Задержись,

Листок, минута, день и жизнь!

"Постой, постой, постой, постой!"

Но это только звук пустой, --

Синицы звон... А, может нет?

А, может, это бег во след

Мгновению? Души полет

Туда, куда нас Дух зовет?

Так должно было случиться:

Почки слушали синицу.

А она еще на белой

Снежной ветке так звенела,

Что проклюнулся в ответ

Первый лист на белый свет.

И пошла тут перекличка

Листьев с птичкой невеличкой! --

Гомонят, шуршат, взлетают --

Птичьи стаи, листьев стаи!

В мире началось такое,

Что не знать уже покоя:
Что ни час, что ни мгновенье, --
То внезапное рожденье;
Что ни новая минута,
То неожиданный дар кому-то...
О, великий праздник мая!
Только справлюсь ли, не знаю...

Это Бог ворваться хочет
В мир из всех набухших почек.
Это Он, сминая глину,
День вчерашний опрокинул
И рванул летящим шагом,
Всею пахучей вешней влагой,
Всеми реками, ручьями
Оживлять последний камень.
Погляди, вдохни, потрогай, --
Мир перенасыщен Богом!
В каждой травке, в каждой птице,
В каждом всплеске -- Бог искрится.
В каждом взгляде, в каждом сердце
Пробуждается бессмертье.

А соловей!

А соловей!

О, песня песней! Речь речей!

О, световой внезапный клин,

Вонзенный в глубину глубин!

Единый взлет, единый звук, --

И вот -- охвачен неба круг.

И вот -- объята моря гладь.

И -- больше нечего сказать.

О, клекот зеленый! Шумящая стая!

С щебечущей кроной взлетаю, взлетаю!

Раскинувши руки, куда -- неизвестно --

Туда, где без муки, туда, где не тесно,

В родные просторы, в родные глубины,

В те выси, в которых все души едины!

Вершина седая Олимпа? Синая?

Себя покидаю, себе не нужна я.

Ведь нам для того и дается крыло,

Чтоб тело слетело, отпало, ушло

Сухой шелухой, желтеющей хвоей,

А следом -- на волю -- такое, такое! --

Сонм капель крылатых -- наплыв аромата! --

Постой, захлебнулась... Куда ты? Куда ты?!

-- К жилищам орлиным, в высот забытье,
-- К Тебе в сердцевину, в безмолвье Твое...

Я сегодня счастлива, мой Боже.
Я сегодня просто Твоя птица.
Кажется, что некуда свободней --
Мне себя самой совсем не надо.
Потому и кончиться не может,
Потому не может прекратиться
Песнь моя, что стала я сегодня
Соловьем, пропавшим в гуще сада.

О, погоди, не торопись!
Не так0то просто прямо ввысь.
Ракета или самолет --
Ведь это вовсе не полет,
А лишь удар, разбивший гладь.
И рано нам еще летать --
В броне, в железе -- во плоти.
А надо медленно идти,
Как дерево, -- на свет из тьмы.
Летают ангелы -- не мы.
Летать умеют только те,

Кто держится на высоте,
Как корни в почве, -- без подмог,
Кому опора -- только Бог.

Береза -- длинный тихий сказ,
Береза обнимает нас,
И, наклоняясь к нам, ведет
С собою вместе в небосвод.
Сосна немотствует. Сосна
Как бы совсем отрешена
От нас. Она спрямляет путь
Из сердца ввысь -- в иную грудь.
И вместо всех кружных дорог --
Одна стрела: вот ты -- вот Бог.

Просквозите меня, просторы!
Мысли -- с круга! С души -- затворы!
Позовите из далей в дали,
Уведите, куда позвали!
Через рай и сквозь пламя ада,
Через гибель и через радость,
Через сердце, сквозь мозг, сквозь кожу
Дух провей! Просквози нас, Боже!

Весенний ветер вдруг повеял.

Кусты и травы зацвели.

И из цветка вспорхнула фея

Внезапным блеском всей земли.

О, Господи! Теперь навеки

Одни цветы, одни огни, --

Наполненные медом реки

И счастьем пахнущие дни!

"Останься рядом! Будь моею!" ...

Цветокдохнувший наклоня,

О "Я тороплюсь, -- сказала фея, --

Я тороплюсь, прости меня".

И за весною следом -- лето.

А вслед за ним -- луга пусты.

И, словно крик земли раздетой,

Осенний ветер рвет листы.

И вот зима молчит, белея.

Проходит все. Ну что же, пусть.

"Я тороплюсь, -- сказала фея, --

Я прохожу. Я тороплюсь.

Я исходила все дороги.

Я обыскала все края.

Где тот, как ветер легконогий,

И неустанный, как струя?"

Тяжесть морского вздоха, --

Полная грудь вселенной!

Как я люблю твой грохот

Вольный и вдохновенный!

Этот восторг ненастья,

Право великой блажи...

Сердце раскрыто настежь --

Тяжесть ломает тяжесть.

Зеленое сверканье,

Излом гривастых линий.

И -- Духом созиданья

Наполнена пустыня.

Ликующая ярость --

Сквозь все земные сети.

Души великий парус

И Духа вечный ветер.

Нет, не единым только хлебом!

Внезапный взмах гигантских крыл --

Земля рванулась прямо в небо,
И Бог ей вечность подарил.
Не хлебом, но лучом единым,
Единым духом мир наш жив!
И -- от подножья до вершины --
Навек изваянный порыв.
Неубывающая сила.
Спокойствие обретший шквал.
На небе навсегда застыла
Дорога в Дух зубцами скал.
В обрыв ведущая дорога.
И каждый гребень -- это знак.
Всем порывающимся к Богу,
Скала указывает: Так!

* * *

Легкий дух, воздвигший скалы,
Необъятность в точке тесной...
Бог -- покой среди обвала,
Дом -- посередине бездны.
Невесомая твердыня,
Ветер, схваченный рукою,
Чувство бездны и пустыни
Среди дома и покоя.

Что ж, может быть, Его и нет. --
Перед глазами -- лишь предмет.
А Дух? Он снова ускользнет,
Как только маленький проход,
Как только щелочка одна
Появится... Едва видна,
Но треснул целостный сосуд,
И Дух уже ни там, ни тут...

А ветер, о, Господи, ветер,
Чуть веющий, легкий и чуткий...
И листья дрожащие эти,
И блеск облаков в промежутке.

Весомей веселья и грусти --
Просвет, невесомые тени, --
Ведь дерево листья отпустит
И снова весной наденет.

И что-то стирает и чертит
Следы, точно промельки в чаще,
Как Моцарт, над жизнью и смертью
Легко и свободно парящий.

О, высшая эта свобода!

Небесная легкая тихость --

Повсюду -- манящие входы,

Повсюду -- сияющий выход.

И так далеко до итога,

Так близко до вечного смысла!

Ведь смерть -- это только дорога,

И жизнь -- это путь, а не пристань.

Всего лишь тропинка сквозная

В простор через радость и муки...

И дерево листья роняет,

Как Моцарт бессмертные звуки...

Кружево... Кружится... Тонкая сетка

Зелени майской... Листва -- не листва.

Точки -- листочки... За веткою -- ветка

И -- закружили меня кружева.

Нет ничего кроме кружева, кроме

Этих кружащихся вьющихся снов,

И чем прозрачнее, чем невесомей.

Тем обнаженной основа основ.

Где она? Что она? Кто там смеется,
Тяжесть и важность развеявши в пух?
Май -- это марево, май -- это Моцарт, --
Все закруживший, танцующий дух.

* * *

А радость беспричинна
И неопровержима.
Мы тяжелее глины
И мимолетней дыма.
Мы так бессильны, Боже!
Мы трепетны и тленны.
Мы ничего не можем.
Но этот блеск мгновенный!..
Но это озаренье,
Но это уверенье,
Но миг опроверженья
Закона тяготенья!..

* * *

О, Ты, родившаяся снова,
Восставшая который раз!
Ты больше смысла, больше слова,
Ты больше мира, больше нас!
Весомей каменного кряжа

И легче, чем разлет крыла.
Да кто же Ты? Ужели та же,
Что так бесспорно умерла?
Ужели Та же, Тот же, То же,
Дохнувшее на нас с небес?
И каждый может, каждый может
Вложить персты и знать: воскрес!?
И это птичье ликование,
Весь кавардак священных нот --
Восторг и счастье узнавания
Души: все Та же, То же -- Тот!

Когда душа сравнивается с сосной
Всею высотой своей и тишиной
И смоятся следы от всех обид,
Тогда сквозь Душу Бог заговорит.
И тот сосновый благодатный шум
Зальет, промоет и наполнит ум,
Чтоб мысль внезапно тьму пересекла,
Расправив два архангельских крыла.

Ни тоски, ни лиха,
Точно я не я.

За окошком тихо.
Там -- душа моя.
Вымывшись в просторе,
Замерли слова.
Погоди про горе,
Ведь душа -- жива.
Небеса раскинув,
Загляделась в пруд,
И в ее глубинах
Мертвые встают.
Точно искры света, --
Звезды среди дня...
Да не там, не это --
Посмотри в меня...

* * *

Птицы много знают.
Ты у них узнай --
Есть ли жизнь иная,
Есть ли в жизни край?
Птицы знают много,
Вмиг умеют счесть,
Далеко ль до Бога
Или -- вот Он, здесь.

Есть тот космический распев
На оголившихся просторах,
Когда все дали, онемев,
Разносят только звездный шорох.
Волна, волна... еще волна...
Звучанье камня, лепет пены...
И -- за стеной ушла стена, --
Упали все земные стены.
Никто ни с кем не разделен.
Никто не канул без возврата.
И слышен звездный перезвон
Души с ее далеким братом.

Я себя потеряла в Боге.
Я совсем себя потеряла
В этих соснах недвижно строгих
И в небесных пустых провалах.
Я себя потеряла где-то,
Где ни тропок нет и ни двери, --
В бесконечных разливах света,
Куда входят ценой потери.

О, риск потери! Риск провала
В любви -- там, где меня не стало,
Вот там, где есть один любимый,
Уже на части не делимый.
Не я и Он, а только Он.
И -- близится Пасхальный звон.

Стрелы сосен, стрелы сосен, --
Стрелы, пущенные ввысь!
Как он дивно светоносен,
Путь всех тех, что поднялись
Прямо в небо, прямо к Богу,
Пролагая нам дорогу.

Душа ступила за порог,
И мир распался на предметы.
"Где ты?!" -- спросил меня мой Бог,
И эхо повторило: "Где ты?!"
Что, что же мне Ему сказать?
Грудь опустела, песня смолкла.
И раскололась неба гладь
На тьму сверкающих осколков.
"Где ты, душа?!" -- О, Боже мой.

Я потерялась, слышишь, Боже?!
Где Ты? -- мой путь к себе самой,
Моя дорога в бездорожья?..
Есть сонмы, но меня здесь нет,
Твой зов остался без ответа...
О, этот оклик, этот свет
Сквозь мир, сквозь смерть, сквозь муку:
"Где ты?!!"

Не утешай меня, не утешай!
Дай мне испить до дна всю безутешность!..
До дна, до края и еще -- за край --
Один бескрайний может стать безгрешным.
Мой дух всей болью мировой пьян, --
И сам себя вовеки не измерит. --
Когда передо мною океан,
Не надо, не зови меня на берег!
Я в океанской двигаюсь волне,
Ликую и захлебываюсь в пене.
Лишь океана в жизни надо мне,
А не бескрылых ваших утешений.
Мне Богом дух непостижимый дан,
Входящий в мир сквозь смерть и через рану.
Меня не будет -- будет океан.

Меня не будет -- буду океаном.

И вот уже -- не смерить и не счесть...

И вот уже -- прибой рокочет глухо...

Одно лишь в мире утешенье есть --

Бездонность сердца и бескрайность духа.

Когда-нибудь наступит твой черед

Остановиться, пяясь и немея,

Когда тебя Господь твой перебьет

Разверзшийся всецелостью своею.

Течение мыслей и потоки слов

Столкнутся вдруг с незыблемым порогом.

И ты прервешь стенанья, как Йов,

Застигнутый на полуфразе Богом.

И позабудешь, кто неправ, кто прав.

Перемешаешь сроки и границы,

И заново родишься, увидав,

Ту пропасть, из которой все рождается.

Пророк выходит против рока.

Не вдаль, а внутрь глядит пророк.

И внутренний великий рокот --

Как океанский вал широк.
Пророк провидит пламя в глине
Священное. Сгоришь, -- не тронь!
Вокруг него -- всегда пустыня.
Внутри него -- всегда огонь.
И болью всей земли нагружен,
Он прорицает: внутрь смотри!
Жизнь в глубине, а смерть -- снаружи.
Рок -- вне тебя, а Бог -- внутри!
И этим внутренним напором
Он заставляет стихнуть гром
И сам сдвигает с места горы,
Остановясь в себе самом.

ИЗ СУФИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

ПЕРЕВОДЫ

ИБН АЛЬ--ФАРИД

ВИННАЯ КАСЫДА

Прославляя любовь, мы испили вина.

Нам его поднесла молодая Луна.

Мы пьяны им давно. С незапамятных лет
Пьем из кубка Луны заструившийся свет.
И, дрожащий огонь разведя синевою,
Месяц ходит меж звезд, как фиал круговой.
О вино, что древнее, чем сам виноград!
Нас зовет его блеск, нас манит аромат!
Только брызги одни может видеть наш глаз,
А напиток сокрыт где-то в сердце у нас.
Уши могут вместить только имя одно,
Но само это имя пьянит, как вино.

Даже взгляд на кувшин, на клеймо и печать
Может тайной живой, как вином, опьянять.
Если б кто-нибудь мертвых вином окропил,
То живыми бы встали они из могил;
А больные, отведавши винной струи,
Позабыли б всю боль, все недуги свои.
И немые о вкусе его говорят,
И доплывший с востока его аромат
Различит даже путник, лишенный чутья,
Занесенный судьбою в иные края.
И уже не заблудится тот никогда,
В чьей ладони фиал, как в потемках звезда.
И глаза у слепого разверзнутся вдруг,
И глухой различит еле льющийся звук.

Если только во тьме перед ним просверкал,
Если тайно блеснул этот полный фиал.
Пусть змеєю ужален в пути пилигрим --
До хранилищ вина он дойдет невредим.

И, на лбу бесноватым чертя письмамена,
Исцеляют их дух возлияньем вина.
А когда знак вина на знаменах войны, --
Сотни душ -- как одна, сотни тысяч пьяны.
О вино, что смягчает неистовый нрав,
Вспышку гнева залив, вспышку зла обуздав!
О вино, что способно весь жизненный путь
Во мгновенье одно, озарив, повернуть --
Влить решимость в умы и величье в сердца,
Вдохновенным и мудрым вдруг сделать
глупца!

"В чем природа вина?" -- раз спросили меня.

Что же, слушайте все: это свет без огня;
Это взгляд без очей и дыханье без уст;
Полный жизни простор, что таинственно
пуст;
То, что было до всех и пребудет всегда;
В нем прозрачность воды, но оно не вода;

Это суть без покрова, что лишь для умов,

Неспособных постичь, надевает покров.

О создатель всех форм, что, как ветер
сквозной,

Сквозь все формы течет, не застыв
ни в одной, --

Ты, с кем мой от любви обезумевший дух
Жаждет слиться! Да будет один вместо двух!

Пращур мой -- этот сок, а Адам был потом.

Моя мать -- эта гроздь с золотистым листом.

Тело -- наш виноградник, в дух в нас -- вино,

Породнившее всех, в сотнях тысяч -- одно.

Без начала струя, без конца, без потерь, --

Что есть "после", что "до" в бесконечном
"теперь"?

Восхваленье само есть награда наград,

И стихи о вине, как вино, нас пьянят.

Кто не пил, пусть глядит, как пьянеет другой,

В предвкушении благ полон вестью благой.

Мне сказали, что пьют только грешники. Нет!

Грешник тот, кто не пьет этот льющийся свет.

И скиталец святой, и безгрешный монах,

Опьянев от него, распростерлись во прах.

Ну, а я охмелел до начала всех дней

И останусь хмельным даже в смерти своей.

Вот вино! Пей его! Если хочешь, смешай
С поцелуем любви, -- пусть течет через край!
Пей и пой, не теряя священных минут,
Ведь вино и забота друг друга бегут.
Охмелевший от жизни поймет, что судьба --
Не хозяйка его, а всего лишь раба.
Трезвый вовсе не жил -- смысл вселенский
протек
Мимо губ у того, кто напиться не мог.
Пусть оплачет себя обнесенный вином --
Он остался без доли на пире земном.

ИБН АЛЬ--ФАРИД

ПУТЬ СТРАННИКА*

Глаза поили душу красотой...
О, мирозданья кубок золотой!
И я пьянел от сполоха огней,
От звона чаш и радости друзей.
Чтоб охмелеть, не надо мне вина --
Я напоен сверканьем допьяна.
Любовь моя, я лишь тобою пьян,
Весь мир расплылся, спрятался в туман,
Я сам исчез, и только ты одна
Моим глазам, глядящим внутрь, видна.
Так, полный солнцем кубок пригубя,

Себя забыв, я нахожу тебя.

Когда ж, опомнясь, вижу вновь черты
Земного мира, -- исчезаешь ты.

И я взмолился: подари меня

Единым взглядом здесь, при свете дня,

Пока я жив, пока не залила

Сознание мне сияющая мгла.

О, появись или сквозь зыбкий мрак

Из глубины подай мне тайный знак!

Пусть прозвучит твой голос, пусть в ответ

Моим мольбам раздастся только: "Нет!"

Скажи, как говорила ты другим:

"Мой лик земным глазам неразличим".

Ведь некогда раскрыла ты уста,

Лишь для меня замкнулась немота.

О, если б так Синай затосковал,

В горах бы гулкий прогремел обвал,

И если б было столько слезных рек,

То, верно б, Ноев затонул ковчег!

В моей груди огонь с горы Хорив

Внезапно вспыхнул, сердце озарив.

И если б не неистовство огня,

То слезы затопили бы меня.

А если бы не слез моих поток,
Огонь священный грудь бы мне прожег.
Не испытал Иаков ничего
В сравненье с болью сердца моего,
И все страданья Иова -- ручей,
Текущий в море горести моей.
Когда бы стон мой услышал Аллах,
Наверно б, лик свой он склонил в слезах.
О, каравана добрый проводник,
Услышь вдали затерянного крик!
Вокруг пустыня. Жаждою томим,
Я словно разлучен с собой самим.
Мой рот молчит, душа моя нема,
Но боль горит и говорит сама.

И только духу внятен тот язык --
Тот бессловесный и беззвучный крик.
Земная даль -- пустующий чертог,
Куда он вольно изливаться мог.
И мироздание вместить смогло
Все, что во мне сверкало, билось, жгло --
И, истиной наполнившись моей,
Вдруг загорелось сонмами огней.
И тайное мое открылось вдруг,
Собравшись в солнца раскаленный круг.

Как будто кто-то развернул в тиши
Священный свиток -- тайнопись души.
Его никто не смог бы прочитать,
Когда б любовь не сорвала печать.
Был запечатан плотью тайный свет,
Но тает плоть -- и тайн у духа нет.
Все мирозданье -- говорящий дух,
И книга жизни льется миру в слух.

А я... я скрыт в тебе, любовь моя.
Волною света захлебнулся я.
И если б смерть сейчас пришла за мной,
То не нашла б приметы ни одной.
Лишь эта боль, в которой скрыт весь "я", --
Мой бич? Награда страшная моя!
Из блеска, из надмирного огня
На землю вновь не высылай меня.
Мне это тело сделалось чужим,
Я сам желаю разлучиться с ним.
Ты ближе мне, чем плоть моя и кровь, --
Текущий огонь, горящая любовь!
О, как сказать мне, что такое ты,
Когда сравненья грубы и пусты!
Рокоцут речи, как накат валов,
А мне все время не хватает слов.

О, этот вечно пересохший рот,
Которому глотка недостает!

Я жажду жажды, хочет страсти страсть,
И лишь у смерти есть над смертью власть.

Приди же, смерть! Сотри черты лица!

Я -- дух, одетый в саван мертвеца.

Я весь исчез, мой затерялся след.

Того, что глаз способен видеть, -- нет.

Но сердце мне прожгла внезапно весть

Из недр: "Несуществующее есть!"

Ты жжешься, суть извечная моя, --

Вне смерти, в сердцевине бытия,

Была всегда и вечно будешь впредь.

Лишь оболочка может умереть.

Любовь жива без губ, без рук, без тел,

И дышит дух, хотя бы прах истлел.

Нет, я не жалею на боль мою,

Я только боли этой не таю.

И от кого таиться и зачем?

Перед врагом я буду вечно нем.

Он не увидит ран моих и слез,

А если б видел, новые принес.

О, я могу быть твердым, как стена,

Но здесь, с любимой, твердость не нужна.

В страданье был я терпеливей всех,

Но лишь в одном терпенье -- тяжкий грех:

Да не потерпит дух мой ни на миг

Разлуку с тем, чем жив он и велик!

Да ни на миг не разлучится с той,

Что жжет его и лечит красотой.

О, если свой прокладывая путь,

Входя в меня, ты разрываешь грудь, --

Я грудь раскрыл -- войди в нее, изволь, --

Моим блаженством станет эта боль.

Отняв весь мир, себя мне даришь ты,

И я не знаю большей доброты.

Тебе покорный, я принять готов

С великой честью всех твоих рабов:

Пускай меня порочит клеветник,

Пускай хула отточит свой язык,

Пусть злобной желчи мне подносят яд --

Они мое тщеславье поразят,

Мою гордыню тайную гоня,

В борьбу со мною вступят за меня.

Я боли рад, я рад такой борьбе,

Ведь ты нужней мне, чем я сам себе.

Тебе ж вовек не повредит хула, --

Ты то, что есть, ты та же, что была.
Я вглядываюсь в ясные черты --
И втянут в пламя вечной красоты.
И лучше мне сгореть в ее огне,
Чем жизнь продлить от жизни в стороне.
Любовь без жертвы, без тоски, без ран?
Когда же был покой влюбленным дан?
Покой? О нет! Блаженства вечный сад,
Сияя, жжет, как раскаленный ад.

Что ад, что рай? О, мучай, презирай,
Низвергни в тьму, где ты, там будет рай.
Чем соблазнюсь? Прельщусь ли миром
всем? --

Пустыней станет без тебя Эдем.
Мой бог -- любовь. Любовь к тебе --
мой путь.
Как может с сердцем разлучиться грудь?
Куда сверну? Могу ли в ересь впасть,
Когда меня ведет святая страсть?
Когда могла бы вспыхнуть хоть на миг
Любовь к другой, я стал бы еретик.
Любовь к другой? А не к тебе одной?
Да разве б мог я оставаться мной,
Нарушив клятву неземных основ,

Ты, что давал, еще не зная слов,
В преддверье мира, где покровов нет,
Где к духу дух течет и к свету свет?

И вновь клянусь торжественностью уз,
Твоим любимым ликом я клянусь,
Заставившим померкнуть лунный лик;
Клянусь всем тем, чем этот свет велик, --
Всем совершенством, стройностью твоей,
В которой узел сплетшихся лучей,
Собрав весь блеск вселенной,
вспыхнул вдруг
И победил непобедимость мук:
"Мне ты нужна! И я живу, любя
Тебя одну, во всем -- одну тебя!
Кумирам чужд, от суеты далек,
С души своей одежды я совлек
И в первозданной ясности встаю,
Тебе открывши наготу мою.
Чей взгляд смутит меня и устыдит?
Перед тобой излишен всякий стыд.

Ты смотришь вглубь, ты видишь
сквозь покров
Любых обрядов, и имен, и слов.

И даже если вся моя родня
Начнет позорить и бранить меня,
Что мне с того? Мне родственны лишь те,
Кто благородство видят в наготе.
Мой брат по вере, истинный мой брат
Умен безумьем, бедностью богат.
Любовью полн, людей не судит он,
В его груди живет иной закон,
Не выведенный пальцами писца,
А жаром страсти вписанный в сердца.
Святой закон, перед лицом твоим
Да буду я вовек непогрешим.
И пусть меня отторгнет целый свет! --
Его сужденье -- суета сует.

Тебе открыт, тебя лишь слышу я,
И только ты -- строжайший мой судья".
И вот в молчанье стали вдруг слышны
Слова из сокровенной глубины.
И сердце мне пронзили боль и дрожь,
Когда, как гром, раздался голос: "Ложь!
Ты лжешь. Твоя открытость неполна.
В тебе живу еще не я одна.
Ты отдал мне себя? Но не всего,
И себялюбье в сердце не мертво.

Вся тяжесть ран и бездна мук твоих --

Такая малость, хоть и много их.

Ты сотни жертв принес передо мной,

Ну, а с меня довольно и одной.

О, если бы с моей твоя судьба

Слились -- кяср`а и точка в букве "ба"!

О, если б, спутав все свои пути,

Ты б затерялся, чтоб меня найти,

Навек и вмиг простясь со всей тщетой,

Вся сложность стала б ясной простотой,

И ты б не бился шумно о порог,

А прямо в дом войти бы тихо смог.

Но ты неходишь, ты стоишь вовне,

Не поселился, не живешь во мне.

И мне в себя войти ты не даешь,

И потому все эти клятвы -- ложь.

Как страстен ты, как ты велеречив,

Но ты -- все ты. Ты есть еще, ты жив.

Коль ты правдив, коль хочешь,

чтоб внутри

Я ожила взамен тебя, -- умри!"

И я, склонясь, тогда ответил ей:

"Нет, я не лжец, молю тебя -- убей!

Убей меня и верь моей мольбе:

Я жажду смерти, чтоб ожить в тебе.

Я знаю, как целительна тоска,

Блаженна рана и как смерть сладка,

Та смерть, что грань меж нами разрубя,

Разрушит "я", чтоб влить меня в тебя.

(Разрушит грань -- отдельность

двух сердец,

Смерть -- это выход в жизнь, а не конец,

Бояться смерти? Нет, мне жизнь страшна,

Когда разлуку нашу длит она,

Когда не хочет слить двоих в одно,

В один сосуд -- единое вино).

Так помоги мне умереть, о, дай

Войти в бескрайность, перейдя за край, --

Туда, где действует иной закон,

Где побеждает тот, кто побежден.

Где мертвый жив, а длящий жизнь --

мертвец,

Где лишь начало то, что здесь конец,

И где царит над миром только тот,

Кто ежечасно царство раздает.

И перед славой этого царя

Тускнеет солнце, месяц и заря.

Но эта слава всходит в глубине,
Внутри души, и не видна вовне.
Ее свечение видит внешний взор,
Как нищету, бесчестье и позор.
Я лишь насмешки слышу от людей,
Когда пою им о любви своей.
"Где? Кто? Не притчей, прямо говори!" --
Твердят они. Скажу ль, что ты внутри,

Что ты живешь в родящей солнце тьме, --
Они кричат: "Он не в своем уме!"
И брань растет, летит со все сторон...
Что ж, я умом безумца наделен:
Разбитый -- цел, испепеленный -- тверд,
Лечусь болезнью, униженьем горд.
Не ум, а сердце любит, и ему
Понятно непонятное уму.
А сердце немо. Дышит глубина,
Неизреченной мудрости полна.
И в тайне тайн, в глубинной той ночи
Я слышал приказание: "Молчи!"
Пускай о том, что там, в груди, живет,
Не знают ребра и не знает рот.
Пускай не смеет и не сможет речь
В словесность бессловесное облечь.

Солги глазам и ясность спрячь в туман --

Живую правду сохранит обман.

Прямые речи обратятся в ложь,

И только притчей тайну сбережешь".

И тем, кто просит точных, ясных слов,

Я лишь молчанье предложить готов.

Я сам, любовь в молчанье углубя,

Храню ее от самого себя,

От глаз и мыслей и от рук своих, --

Да не присвоят то, что больше их:

Глаза воспримут образ, имя -- слух,

Но только дух обнимет цельный дух!

А если имя знает мой язык, --

А он хранить молчанье не привык, --

Он прокричит, что имя -- это ты,

И ты уйдешь в глубины немоты.

И я с тобой. Покуда дух -- живой,

Он пленный дух. Не ты моя, я -- твой.

Мое стремление тобой владеть

Подобно жажде птицу запереть.

Мои желанья -- это западня.

Не я тебя, а ты возьми меня

В свою безмерность, в глубину и высь,

Где ты и я в единое слились,
Где уши видят и внимает глаз...
О, растворения высокий час!
Простор бессмертья, целостная гладь --
То, что нельзя отдать и потерять.
Смерть захлебнулась валом бытия,
И вновь из смерти возрождаюсь я.
Но я иной. И я, и ты, и он --
Все -- я. Я сам в себе не заключен.

Я отдал все. Моих владений нет,
Но я -- весь этот целокупный свет.
Разрушил дом и выскользнул из стен,
Чтоб получить вселенную взамен.
В моей груди, внутри мен живет
Вся глубина и весь небесный свод.
Я буду, есмь, я был еще тогда,
Когда звездой не была звезда.
Горел во тьме, в огне являлся вам,
И вслед за мною всех вас вел имам.
Где я ступал, там воздвигался храм,
И кибла киблы находилась там.
И повеленья, данные векам,
Я сам расслышал и писал их сам.
И та, кому в священной тишине

Молился я, сама молилась мне.

О, наконец-то мне постичь дано:

Вещающий и слышащий -- одно!

Перед собой склонялся я в мольбе,

Прислушивался молча сам к себе.

Я сам молил, как дух глухонемой,

Чтоб в мой же слух проник бы голос мой;

Чтоб засверкавший глаз мой увидал

Свое сверканье в глубине зеркал.

Да упадет завеса с глаз моих!

Пусть будет плоть прозрачна, голос тих,

Чтоб вечное расслышать и взглянуть

В самую исчезающую суть,

Священную основу всех сердец,

Где я -- творение и я -- творец.

Аз есмь любовь. Безгласен, слеп и глух

Без образа -- творящий образ дух.

От века сущий, он творит, любя,

Глаза и уши, чтоб познать себя.

Я слышу голос, вижу блеск зари

И рвусь к любимой, но она внутри.

И, внутрь войдя, в исток спускаюсь вновь,

Весь претворясь в безликую любовь.

В одну любовь. Я все. Я отдаю
Свою отдельность, скорлупу свою.
И вот уже ни рук, ни уст, ни глаз --
Нет ничего, что восхищало вас.
Я стал сквозным -- да светится она
Сквозь мой покров, живая глубина!
Чтоб ей служить, жить для нее одной,
Я отдал все, что было только мной:
Нет "Моего", Растаяло, как дым,
Все, что назвал я некогда моим.

И тяжесть жертвы мне легка была:
Дух -- не подобье вьючного осла.
Я нищ и наг, но если нищета
Собой гордится -- это вновь тщета.
Отдай, не помня, что ты отдаешь,
Забудь себя, иначе подвиг -- ложь.
Признанием насытись дополна,
Увидишь, что мелеет глубина,
И вдруг поймешь, среди пустых похвал,
Что, все обретши, душу потерял.
Будь сам наградой высшею своей,
Не требуя награды от людей.
Мудрец молчит. Таинственно нема,
Душа расскажет о себе сама,

А шумных слов пестреющий черед
Тебя от тихой глуби оторвет,

И станет чужд тебе творящий дух.
Да обратится слушающий в слух,
А зрящий -- в зренья! Поглощая свет,
Расплавься в нем! -- Взвизгивающего нет.
С изделием, мастер, будь неразделим,
Сказавший слово -- словом стань самим.
И любящий пусть будет обращен
В то, чем он полн, чего так жаждет он.
О, нелегко далось единство мне!
Душа металась и жила в огне.
Как много дней, как много лет подряд
Тянулся этот тягостный разлад,
Разлад с душою собственной моей:
Я беспрестанно прекословил ей.
И, будто бы стеной окружена,
Была сурова и нема она.

В изнеможенье, выбившись из сил,
О снисхожденье я ее просил.
Но если б снизошла она к мольбам,
О том бы первым пожалел я сам.
Она хотела, чтобы я без слез,

Без тяжких жалоб бремя духа нес.

И возлагала на меня она

(Нет, я -- я сам) любые бремена.

И наконец я смысл беды постиг

И полюбил ее ужасный лик.

Тогда сверкнули мне из темноты

Моей души чистейшие черты.

О, до сих пор, борясь с собой самим,

Я лишь любил, но нынче я любим!

Моя любовь, мой Бог -- душа моя.

С самим собой соединился я.

О, стройность торжествующих глубин,

Где мир закончен, ясен и един!

Я закрывал глаза, чтобы предмет

Не мог закрыть собой глубинный свет.

Но вот я снова зряч и вижу сквозь

Любой предмет невидимую ось.

Мои глаза мне вновь возвращены,

Чтоб видеть в явном тайну глубины

И в каждой зримой вещи различить

Незримую связующую нить.

Везде, сквозь все -- единая струя.

Она во мне. И вот она есть я.

Когда я слышу душ глубинный зов,

Летящий к ней, я отвечать готов.

Когда ж моим внимаете словам,

Не я -- она сама глаголет вам.

Она бесплотна. Я ей плоть мою,

Как дар, в ее владенье отдаю.

Она -- в сей плоти поселенный дух.

Мы суть одно, сращенное из двух.

И как больной, что духом одержим,

Не сам владеет существом своим, --

Так мой язык вещает, как во сне,

Слова, принадлежащие не мне.

Я сам -- не я, затем что я, любя,

Навеки ей препоручил себя.

О, если ум ваш к разуменью глух,

И непонятно вам единство двух,

И душам вашим не было дано

В бессчетности почувствовать одно,

То, скольким вы ни кланялись богам,

Одни кумиры предстояли вам.

Ваш Бог един? Но не внутри -- вовне, --

Не в вас, а рядом с вами, в стороне.

О, ад разлуки, раскаленный ад,

В котором все заблудшие горят!

Бог всюду и нигде. Ведь если он
Какой-нибудь границей отделен, --
Он не всецел еще и не проник
Вовнутрь тебя, -- о, бог твой невелик!

Бог -- воздух твой, вдохни его -- и ты
Достигнешь беспредельной высоты.

Когда-то я раздваивался сам:

То, уносясь в восторге к небесам,
Себя терял я, небом опьянясь,
То, вновь с землею ощущая связь,
Я падал с неба, как орел без крыл,
И, высь утратив, прах свой находил.

И думал я, что только тот, кто пьян,
Провидит смысл сквозь пламя и туман
И к высшему возносит лишь экстаз,
В котором тонет разум, слух и глаз.

Но вот я трезв и не хочу опять

Себя в безмерной выси потерять,
Давно поняв, что цель и смысл пути --

В самом себе безмерное найти.

Так откажись от внешнего, умри

Для суеты и оживи внутри.

Уняв смятенье, сам в себе открой

Незамутненный внутренний покой.

И в роднике извечной чистоты
С самим собой соединишься ты.
И будет взгляд твой углубленно тих,
Когда поймешь, что в мире нет чужих,

И те, кто силы тратили в борьбе,
Слились в одно и все живут в тебе.
Так не стремись определить, замкнуть
Всецелость в клетку, в проявление -- суть.
В бесчисленных формах мира разлита
Единая живая красота, --
То в том, то в этом, но всегда одна, --
Сто тысяч лиц, но все они -- она.
Она мелькнула ланью среди трав,
Маджнуну нежной Лейлою представ;
Пленила Кайса и свела с ума
Совсем не Лубна, а она сама.
Любой влюбленный слышал тайный зов
И рвался к ней, закутанной в покров.
Но лишь покров, лишь образ видел он
И думал сам, что в образ был влюблен.

Она приходит, спрятавшись в предмет,
Одевшись в звуки, линии и цвет,
Пленяя очи, грезится сердцам,

И Еву зрит разбуженный Адам.
И, всей душой, всем телом к ней влеком,
Познав ее, становится отцом.
С начала мира это было так,
До той поры, пока лукавый враг
Не разлучил смутившихся людей
С душой, с любимой, с сущностью своей.
И ненависть с далеких этих пор
Ведет с любовью бесконечный спор.
И в каждый век отыскивает вновь
Живую вечность вечная любовь.
В Бусейне, Лейле, в Аззе он возник, --
В десятках лиц ее единый лик.

И все ее любившие суть я,
В жар всех сердец влилась душа моя.
Кусайир, Кайс, Джамиль или Маджнун --
Один напев из всех звучащих струн.
Хотя давно окончились их дни,
Я в вечности был прежде, чем они.
И каждый облик, стан, лица овал
За множеством единое скрывал.
И, красоту единую любя,
Ее вбирал я страстно внутрь себя.
И там, внутри, как в зеркале немом,

Я узнавал ее в себе самом.
В той глубине, где разделений нет,
Весь сонм огней слился в единый свет.
И вот, лицо поднявши к небесам,
Увидел я, что и они -- я сам.

И дух постиг, освободясь от мук,
Что никого нет "рядом" и "вокруг",
Нет никого "вдали" и в "вышине",-
Все дали -- я, и все живет во мне.
"Она есть я", но если мысль моя
Решит, паря: она есть только я,
Я в тот же миг низвергнусь с облаков
И разобьюсь на тысячи кусков.
Душа не плоть, хоть дышит во плоти
И может плоть в высоты увести.
В любую плоть переселиться мог,
Но не был плотью всеобъяввший Бог.
Так, к нашему Пророку Гавриил,
Принявши облик Дихья приходил.
По плоти муж, такой как я и ты,
Но духом житель райской высоты.

И ангела всезнающий Пророк
В сем человеке ясно видеть мог.

Но значит ли, что вождь духовных сил,
Незримый ангел человеком был?
Я человек лишь, и никто иной,
Но горний дух соединен со мной.
О, если б вы имели благодать
В моей простой плоти его узнать,
Не ждя наград и не страшась огня,
Идти за мной и полюбить меня!
Я -- ваше знание, ваш надежный щит,
Я отдан вам и каждому открыт.
Во тьме мирской я свет бессонный ваш.
Зачем прельщает вас пустой мираж,
Когда ключом обильным вечно бьет
Живой источник всех моих щедрот?!

Мой юный друг, шаги твои легки!
На берегу остались старики,
А море духа ждет, чтобы сумел
Хоть кто-нибудь переступить предел.
Не застывай в почтении ко мне --
Иди за мною прямо по волне,
За мной одним, за тем, кто вал морской
Берет в узду спокойною рукой
И, трезвый, укрощает океан,
Которым мир воспламененный пьян.

Я не вожатый твой, я путь и дверь.
Войди в мой дух и внешнему не верь!
Тебя обманет чей-то перст и знак,
И внешний блеск введет в душевный мрак.
Где я, там свет. Я жив в любви самой.
Любой влюбленный -- друг
вернейший мой,

Мой храбрый воин и моя рука,
И у Любви бесчисленны войска.
Но у Любви нет цели. Не убей
Свою Любовь, прицел наметив ей.
Она сама -- вся цель своя и суть,
К себе самой вовнутрь ведущий путь.
А если нет, то в тот желанный миг,
Когда ты цели наконец достиг,
Любовь уйдет внезапно, как порыв,
Слияние в разлуку превратив.
Будь счастлив тем, что ты живешь, любя.
Любовь высоко вознесла тебя.
Ты стал главою всех существ живых
Лишь потому, что сердце любит их.
Для любящих -- племен и званий нет.
Влюбленный ближе к небу, чем аскет

И чем мудрец, что знанье нагружен,
Хранит ревниво груз былых времен.
Сними с него его бесценный хлам,
И он немного будет весить сам.
Ты не ему наследуешь. Ты сын
Того, кто знанье черпал из глубин
И в тайники ума не прятал кладь,
А всех сзывал, чтобы ее раздать.
О, страстный дух! Все очи, все огни
В своей груди одной соедини!
И, шествуя по Млечному Пути,
Полой одежд горящих мрак смети!
Весь мир в тебе, и ты, как мир, един.
Со всеми будь, но избегай общин.
Их основал когда-то дух, но вот
Толпа рабов, отгородясь, бредет

За буквой следом, накрепко забыв
Про зов свободы и любви порыв.
Им не свобода -- цепи им нужны.
Они свободой порабощены.
И, на колени пав, стремится в плен
К тому, кто всех зовет восстать с колен.
Знакомы им лишь внешние пути,
А дух велит вовнутрь себя войти

И в глубине увидеть наконец
В едином сердце тысячи сердец.
Вот твой предел, твоих стремлений край,
Твоей души сияющий Синай.
Но здесь замри. Останови полет,
Иначе пламя грудь твою прожжет.
И, равновесье обретя, вернись
К вещам и дням, вдохнув в них ширь
и высь.

О, твердь души! Нерасторжимость уз!
Здесь в смертном теле с вечностью союз
И просветленность трезвого ума,
Перед которым расступилась тьма!

Я только сын Адама, я не бог,
Но я достичь своей вершины смог
И сквозь земные вещи заглянуть
В нетленный блеск, божественную суть.

Она одна на всех, и, верен ей,
Я поселился в центре всех вещей.
Мой дух -- всеобщий дух, и красота
Моей души в любую вещь влита.

О, не зовите мудрецом меня,
Пустейший звук бессмысленно бубня.
Возьмите ваши звания назад, --
Они одну лишь ненависть плодят.

Я то, что есть. Я всем глазам открыт,
Но только сердце свет мой разглядит.
Ум груб, неповоротливы слова
Для тонкой сути, блещущей едва.
Мне нет названий, очертаний нет.
Я вне всего, я -- дух, а не предмет.
И лишь иносказания одни
Введут глаза в незримость, в вечность --
дни.
Нигде и всюду мой незримый храм,
Я отдаю приказы всем вещам.
И слов моих благоуханный строй
Дохнет на землю вечной красотой.
И, подчинясь чреде ночей и утр,
Законам дней, сзываю всех вовнутрь,
Чтоб ощутить незыблемость основ
Под зыбью дней и под тщетою слов.
Я в сердцевине мира утвержден.

Я сам своя опора и закон.

И, перед всеми преклонясь в мольбе,

Пою хвалы и гимны сам себе.

Григорий Померанц

УСТАМИ ПОЭТА

Поэзия священной глубины -- одна из вершин всякой великой культуры. Она не заменяет и не отменяет других путей в глубину, но и они ее не могут заменить. В прошлом ее иногда канонизировали -- как Веды, как псалмы Давида. В наше время она обходится без этого, но не перестает быть самой собой. Зинаида Миркина не случайно переводила Тагора, Рильке, суфийскую лирику. В этот же ряд становятся и ее стихи. Это открытый ряд. В нем нет догм, нет заповедей, но нет и споров, какая догма обладает свойством единственной истины, нет погони за еретиками. Метафоры, родившиеся в сознании поэта, охваченного священным восторгом, не выдаются за факты. Они могут противоречить друг другу, не теряя правдивости (насколько слово человека может передавать правду Бога).

Догматики забывают слова святого Василия Великого "о Боге мы можем только лепетать". Поэт чаще это вспоминает. "Он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет" (Мандельштам). В интервалах между словами, повторенных ритмом, рождается дух единства, витающий над словами поэта. Богословие делит священную реку на рукава. Поэзия соединяет их в стремлении к устью. То же происходит в глубинах других искусств. Один из моих оппонентов, убежденный противник восточного образа истины как нуля слов, признавался, что чувствует обаяние китайской живописи. Он не сознавал, что воды и горы -- это инь и ян, а иконы тумана, написанные в период Сун, передают мысль о неименованном Дао, объемлющим названное Дао, и прямо связаны с восклицанием Лаоцзы в "Даодецзин": "О неясное! О туманное!" Многих православных шокировала гипотеза, что сюжеты икон Троицы, Деесиса и Успения пришли в Средиземноморье из буддийской Индии, или что сказание о Варлааме и Иосафате -- пересказ джатаки (буддийской поучительной сказки). Им хочется, чтобы христианское откровение возникло вне потока культурных связей и

оставалось раз и навсегда застывшим. Я думаю, что дело обстоит иначе. Великие духовные потоки пересекаются в пространстве и не имеют конца во времени.

Каждый духовидец что-то прибавляет к ним. История откровения началась вместе с началом общей истории и будет длиться до ее конца, вбирая множество притоков, раздваиваясь на рукава и собираясь снова.

Одна из струй в этой большой реке -- творчество Миркиной.

Для меня ее стихи были откровением. Я был потрясен, когда впервые (в конце июня 1960 г.) услышал строки:

Бога ударили по тонкой жиле,

По руке или даже по глазу -- по мне.

Вдруг стало ясно, что вопросы Иова, вопросы Карамазова, мучившие меня, ложно поставлены. Поставлены дробным умом, для которого Бог -- это бог, а тварь -- это тварь, и бог откуда-то извне решает, кому и как страдать, кому умереть. Целостным умом поэт увидел, что Бог не вне страдания, не вне смерти, а страдает и умирает вместе с каждым смертным. Углубляясь и углубляясь в это прозрение, я осознал Бога как бесконечность страдания твари, тонущую в бесконечной радости Творца, и образ божий -- как одновременность боли и радости в человеке.

Я вижу его в отце, обнимающем блудного сына Рембрандта, в глазах Павла у Эль Греко, в иконах. Но это все потом, а сперва я просто принял стихотворение, как оно есть, вплоть до его последних строк:

Нет, никогда не умрет Нетленный.

Я за Него умру.

Стихотворение вызвало образ больной руки или ноги, которую приходится отсечь, чтобы сохранить жизнь всего тела. Это легко себе представить. Но разве отсекаемый палец сознает и принимает свою судьбу? Сознает ум, он играет роль библейского Бога, а палец или рука посылает сигналы боли, как Иов. И потом

ампутация руки, ноги это частный случай, а стихотворение намекает на какой-то общий закон, на разделение ролей между бессмертием и смертностью общего Сверхсущества. Вот эта связь и разделение внутри Сверхсущества осталась только намеченной. Ее, наверное, нельзя до конца выговорить. И недавно у одной внимательной читательницы возник вопрос: каким образом "Я за него умру?" Зачем это Богу нужно? В ответ пошло письмо Зинаиды Александровны, которое мы не успели скопировать, и за ним второе, довольно долго лежавшее на нашем столе в Коктебеле. Работая над своим эссе, я кусок этого письма попросту переписал: "Сейчас только вдруг подумалось, что ведь ответ есть в стихотворении:

Он всемогущ. Он болезнь оборет.

Вызволит из огня

Душу мою. Или, -- взыв от боли, --

Он отсечет меня.

Наверное, главное, что мне открылось когда-то явственно и неоспоримо, это что мы -- члены Божьего Тела.

Каждый из нас болит в Нем. Мы от Него неотделимы. Это была потрясающая мысль (даже не мысль -- чувство, ощущение, открытие). Он не существует отдельно от нас (Он -- всецелый), как и мы от Него (не может палец существовать отдельно от руки, от тела). Но аналогия с пальцем -- неполная. Как и все, когда мы говорим о мире духовном, божественном, -- здесь метафора. Ибо все земное смертно, как и каждый палец. Мы же -- смертные члены бессмертного тела.

Мы -- не только мы. В каждом из нас есть частица, искра Божья. И это собственно и есть главное. Этим мы живы. У нас есть два "я" -- малое и большое, смертное и бессмертное.

Готовность малого, смертного "я" пожертвовать собой для большого, бессмертного -- основная тайна и духовный закон бытия. Великая любовь к нашему бессмертному "Я" (Бог, повторяю, неотделим от нас, и потому Бог ни в коем случае не "Он" и даже -- в отличие от буберовской философии -- не "Ты", а "Я", наше высшее "Я").

Жертва низшим "я" ради высшего -- это Любовь, другое имя Бога: Любовь, на которой все держится. Эта наша любовь к Богу поддерживает Бога, как дрова костер. Каждая наша такая жертва во имя Его -- возжигание огня, питающего жизнь. Поэтому:

Нет, никогда не умрет Нетленный.

Я за Него умру.

И еще (из другого стихотворения -- Г.П.):

Мы умираем, чтоб не умер Он.

Все слова здесь не точны. Повторяю: все -- метафоры.

Но все же, своей жертвенной любовью, своей смертью мы поддерживаем гигантский костер Его бессмертия. Может быть, если кончится наша жертвенная любовь, кончится жизнь на Земле. Мы поддерживаем Его бессмертие, которое и наше бессмертие, ибо, повторяю, мое главное открытие сердца -- наша неотделимость от Него. Без Его бессмертия нет нас, нет жизней наших. Итак, мы умираем Для Него, во имя Его, уверенные всем сердцем (я говорю об истинно верующих), что будем жить в Нем -- в нашем высшем, бессмертном "Я".

Мы умираем, чтоб не умер Он,

А Он бессмертен, чтобы все мы жили.

Все это распадается на куски, если нет ясного ощущения нашей неразделенности с Ним, если Он и я -- два предмета, две отдельности.

Но Бог -- не отдельность. Он -- всецел. А я причастна

Ему. Здесь тайна. И круговорот любви".

Миркина дополнила здесь одну метафору другой -- образом костра любви, огонь которого поддерживает пламя Бога. Но и этот образ только еще раз намекает на скрытый смысл. Мне захотелось еще раз по мере сил вдуматься, что остается недосказанным. Палец больно отсечь, но это не трагедия. У пальца, у ноги, у руки нет личности, нет сознания бесконечности, нет тоски по Богу. А у человека есть. Человек -- не хвост ящерицы, который обрубишь -- и вместо него вырастет другой. Гамлет не вырастает заново. Это неповторимый образ Божий, образ всецелости, образ бесконечности, бессмертия -- и он смертен. В горах или

над морем иногда возникает физическое чувство бесконечности. И когда это чувство бесконечности становится мыслью, вся вселенная себя в нас сознает.

На миг возникает один из центров вселенной, и гибель этого центра -- космическая катастрофа. Можно преодолеть эту трагедию взлетом духа, порывом любви к целостности Бога, прорастающему в нас, но усилие прерывисто, за взлетами следуют падения в отдельность, в трагическое одиночество земли среди мириада пылающих звезд, несущихся неведь куда в холодной бездне пространства и времени, а на Земле -- падение в трагическое одиночество человека, о котором писал Тютчев:

Быть до конца так страшно одиноким,

Как буду одинок в своем гробу.

Почему Богу нужна трагедия, почему Его бытие было бы неполно без нее, почему человек должен умереть ради нетленного Творца? Хочется связать одну загадку с другой, поставленной

Ангелусом Силезиусом:

Я без Тебя ничто, но что Ты без меня?

Если Бог -- это Бог, а я -- это я, то Силезский Вестник написал какую-то чушь. Но Бог -- не только Бог и я -- не только я. Нельзя подходить к Богу с правилами логики, где А равно самому себе ($A = A$) и не равно другому ($A \neq B$).

Вот здесь -- Царь Небесный, вот там -- тварь... Поэт говорит другое: "Я раб, я царь, я червь, я Бог..." (Державин).

Бог и человек -- не только двое. Здесь и двое, и одно. В буддизме дзэн все время идет кружение вокруг сходных символов (которые можно осмыслить как ипостаси Бога). Есть такая дзэнская притча: "Сперва я думал, что гора есть гора. Потом, познав учение, я понял, что гора не есть гора (то есть бытие отдельности -- иллюзия). Но потом, проникнув в самую суть учения, я осознал: гора есть ГОРА". Прописными буквами я пытаюсь передать интонацию Миркиной, когда она это повторяет. ГОРА -- единичное, пустившее свой корень в Единое, что-то вроде Сына, единосущного Отцу. Но не совсем то же самое. Вопрос о человеке в дзэн не выделен из вопроса о твари.

ГОРА -- всякое существо и даже предмет в своей неразделенности с Единым. Может быть поставлен и ставился вопрос: "Обладает ли пес природой Будды?" То есть может ли пес достичь просветления? Или только человек на это способен?

Но вопрос тонет в ответе старца Чжао Чжоу: "Ничто!" И загадочный диалог в целом использовался старцем Хакуином как тема медитации первой ступени, на понимание иллюзорности отдельного бытия (гора не есть гора). Дальше шли другие упражнения, которые должны были привести к ГОРЕ с прописной. И на этой ГОРЕ вопрос о личной судьбе исчезает без трагического следа, остающегося в книге Иова.

С этим ни иудей (автор книги Иова), ни эллин (Эсхил, Софокл, Еврипид) не могли бы согласиться. И не согласится Шекспир, и не согласится Достоевский. Они чувствовали, что в человеке есть нечто высшее. Что очеловеченный Бог -- нечто большее, чем божественность моря и горы, дерева и цветка.

В "Импровизации на тему Каприйской зимы" Рильке дал образ, дальше которого я не могу пойти: Человек -- это лицо природы. Природа стремится обрести лицо и находит его в человеке. Но не в каждом. И человек, ставший лицом природы, до конца раскрывшийся человек, оказывается трагически одиноким среди людей. Зинаида Миркина любит хасидскую легенду о тридцати шести незаметных праведниках. Их считают последними из последних. Их топчут, пинают ногами. И когда незаметный праведник умирает, Бог отогревает душу, замерзшую от холода мира, в своих ладонях. Если же она так глубоко замерзла, что даже в жарких руках Бога не может согреться, Бог плачет, и каждая Его слеза на день приближает конец света.

Но и это не все. Лицо природы -- образ и подобие Бога -- познает свое одиночество и перед Ним. Может быть, здесь надо говорить о трагедии особого рода или о мистерии, но все равно -- это мука. Росток Бога в душе годами прячется, исчезает от внутреннего зрения. Богооставленность -- спутник почти каждого подвижника. Св. Силуан сравнивает ее с муками Адама, изгнанного из рая. Суфии и бхакты нашли образ своих чувств в страданиях неразделенной и отвергнутой любви. И даже в культуре Дальнего Востока, где вершина священного выражена в безличной форме, сквозь эту безличность проступает трагедия Хакуина, едва не погибшего на пути к целостному сознанию. Предание фиксирует здесь не гибель, а победу, но многие гибнут, не добившись победы. Архимандрит Софроний, издатель книги "Старец Силуан", рассказывает о монахах, сошедших с ума. Есть "дзэнская болезнь" (ею болел Хакуин).

В тибетских книгах рассказывается о четырех стадиях болезни, в которой рождается новое сознание. Миркина пишет о "болезни прорастания крыльев". Она хорошо знает эту болезнь. Путь подвижника проходит по краю гибели, физической и духовной. Мимо этого испытания нельзя пройти. Дзэнцы называют

свой путь "великим сомнением", и принято считать, что чем глубже сомнение, тем глубже и "сатори" (пробуждение к новому сознанию). Стихи Зинаиды Миркиной закружились вокруг этой темы без знания какой бы то ни было традиции, на ощупь подбирая нужные слова. Во время болезни, приковавшей ее к постели на пять лет, она разучилась многому и потом заново начала учиться складывать стихи. Выходило неловко, но сквозь неловкость проступала открывшаяся глубина, и я сразу прочувствовал эту глубину. Когда мы познакомились с "Проповедями и рассуждениями" Мейстера Экхарта, то нашли у него некоторые темы стихов Миркиной, стихов, заброшенных впоследствии и за несовершенства формы*.

Тема "вечного рождения" отчетливо видна в стихотворении, из которого в нашей памяти осталось только четыре строки:

Не все можно взвесить, измерить и перечесать,
Хоть закон нерушим и строг,
Люди, в мире живет, он есть,
Еще не рожденный Бог...

Пятнадцать лет спустя родилось слово "прорастание".

Впервые в стихотворении "Богородица"

1

Стихи... Они рождаются из земли

Души моей. Из этих неподвижных

Пластов, где Бог хозяин. Бог созиждет,

А я -- в пыли.

А я нема, безропотно темна.

Как чернозема поднятая груда,

Покорно принимаю семена,

Не спрашивая: "Для чего?", "Откуда?"

Какой порыв, какой реки поток
Занес его? Он вечен иль мгновенен?
Но каждый исход мой,
Но каждый мой росток
И для меня таинственно священен.
Я знаю лишь зачатъа благодать
И тяжесть вызревания событий.

И что еще могу Я вам сказать?
Бессильное мое "не растопчите"...

2

Покорной Богу быть... Покорной этой
Бездонности, склонившейся ко мне,
Покорной звуку и покорной свету,
Покорной светоносной тишине,
Любви покорной... Миг зачатъа...
Вот так склонялась Богоматерь.

3

Мой Боже, Бог мой... Из моих берез,
Дождя, травы и звона дальней птицы
В меня вошел и из меня пророс.
Нельзя иначе Богу появиться
Здесь на земле. Есть место лишь одно:
Внутри меня. И в радости, и в муке
Вот это сердце выносить должно

Тебя, и вынянчить -- вот эти руки.

Мой Бог -- мой сын. И тварь твоя и мать.

О, Господи, сумею ли так много?

Зачать, родить и, вырастив, отдать

Тебя во тьму, чтоб Бог вернулся к Богу...

Бог здесь прорастает сквозь природу и раскрывается в человеке. "Слава Божия - до конца раскрывшийся человек", -- писал св. Иринеи Лионский (и повторил Антоний Сурожский, у которого я нашел эту цитату). Для Миркиной это не единичный факт, а путь всего живого. У нее нет разрыва между чувством божественности природы и более поздним пониманием Бога как раскрывшейся личности. Разрастание человеческого сердца, подобное росту леса, идет навстречу прорастанию Бога в человеческой душе:

Жизнь -- это сердца прорастанье.

Оно растет всегда, вот так, как лес --

До горизонта, до седьмых небес

И далее... Во всей вселенской ткани

Одно оно. Оно растет

Вот так, как всеобъявший свод

Ветвей на древе бытия --

Сквозь всех и все, во все края.

И как его глубоко ранят

Все те, кому мешает рост,

Кто не желает прорастанья

Вовнутрь себя морей и звезд.

Все те, кому нужна граница,

Кто захотел остановиться
И тайный рост остановить,
Не ведая, что жизни нить
Перерубает.

В первом опубликованном сборнике стихов Миркиной, "Святая святых", рядом со стихотворением "Богоматерь" стоит другое, примерно о том же самом: о действии Бога в душе:

Я емь орган. Но органист не я.
Во мне волна Его святого хмеля.
И тот разрушит песню бытия,
Кто нас смешает или нас разделит.
По клавишам бесчисленным скользя,
Он трогает мои живые раны.
Я емь орган, но мне самой нельзя
Дотронуться до клавишей органа.
Я емь орган, но лишь Создатель мой,
Вдохнув свой дух, играет на органе.
Я глубь и тайна для себя самой.
Я оживаю от Его касаний.
Вот Он пришел, предвечный органист.
О, этот свет, вонзенный в темень ночи!
Да будет звук мой первозданно чист,
Чтоб передать все то, что Он захочет.
В бескрайнем мире есть лишь Ты и я
Во мне волна божественного хмеля.

И тот разрушит песню бытия,
Кто нас смешает или нас разделит.

В другом стихотворении того же периода Бог творит наш духовный мир из ничего -- как некогда, по библейскому рассказу, Он сотворил физический мир:

Ничто. Торжественные скалы
И моря синее стекло.
Все смолкло. Ничего не стало.
И Ничего во мне росло.
Когда же весь простор безмолвный
Вошел внутрь сердца моего
И мера оказалась полной,
То мир возник из н и ч е г о.

Чем эти стихи отличаются от бесчисленных парафразов Библии? Тем, что это не парафраз. Образ растет спонтанно, из опыта созерцания, и вдруг припоминается - то формула о неслиянном и неразделенном единстве Бога и человека в Христе, то фраза из Ветхого Завета. Вспоминается то, в чем поэт узнает самого себя, свою собственную глубину.

Я много раз читал эти стихи, не вдумываясь в отдельные слова, и вдруг понял, что прорастание -- ответ или, по крайней мере, часть ответа на вопросы Иова. Прорастание целостности в мир частных. И тогда заново прочлось еще одно стихотворение (опять -- тех же семидесятых годов):

Когда-нибудь наступит твой черед
Остановиться, пятась и немея,
Когда тебя Господь наш перебьет

Развершейся всецелостью своею.

Течение мыслей и потоки слов

Столкнутся вдруг с незыблемым порогом,

И ты прервешь стенания, как Йов,

застигнутый на полуфразе Богом.

И позабудешь, кто не прав, кто прав,

Перемешаешь сроки и границы,

И заново родишься, увидав

Ту пропасть, из которой все родится.

Ничем не заслуженное страдание твари бессмысленно, если смотреть на него глазами твари. Но оно имеет смысл, если взглянуть на него глазами прорастающего в твари Творца. Я могу ошибаться, но в "образ и подобие" Бога входит, по-моему, не только бесконечность, но и смертность и сознание смертности. В полноту бытия Бога входит весь трагизм человеческого бытия. Бог вмещает все противоположности великого искусства. Он не ограничен ничем, кроме низости и ненависти, совершенно оторванных от Его бытия. Не ограничен ни одним из своих совершенств, ни бесконечностью, ни блаженством, ни бессмертием. Стремясь к полноте, Бог входит в конечное, в свою тварь, и страдает вместе с ней и умирает вместе с ней, -- оставаясь в то же время вне страдания и вне смерти. Примерно так, как Божья Матерь, в толковании Мейстера Экхарта, остается отрешенной в своей последней глубине, задыхаясь в рыданиях у креста. Экхарт сравнивает отрешенность с крюком, на котором держится рвущаяся от ветра дверь. И Бога можно представить себе одновременно и Отцом на небе, и распятым Сыном. Распятие -- не единичный факт, не единичная жертва, а одно из "тел" вечного духа, "тел", как говорят буддисты, различая тело блаженства и тело превращений (страдающее в дробном пространстве и времени). Выход из трагической бессмыслицы человеческого блуждания в мире, оторванном от вечности, -- в осознании (сквозь страдание и смерть) единства Бога воинств на небе и Христа на кресте, во взгляде на это немыслимое совпадение противоположностей глазами Бога, прорастающего в душе твари. Тогда прозревается смысл жизни, раскрывается глубина, где происходит чудо и рождается сила, дающая новую физическую

жизнь Иову, или (хотя это тайна, полнота которой от меня закрыта) возникают духовные сущности, не зависящие от физического бытия (так, как, может быть, продолжают жить некоторые святые; так, как продолжает жить Христос).

Когда византийские богословы создавали свое учение об Отце, Сыне и Святом Духе, они кружились, как мне кажется, вокруг этой самой тайны: присутствия бесконечного нетленного Бога в смертном человеке. Все это они вместили в одного Иисуса из Назарета и на одну землю, казавшуюся единственной во вселенной. Бездна пространства и времени, раскрывшаяся перед нами, может быть уравновешена только равновеликим образом второй ипостаси -- подобием которой стал рильковский Орфей, разлитый повсюду и единый во всех метаморфозах, умирающий и рождающийся каждый раз заново.

Это близко к мысли Экхарта о вечном рождении Бога в человеческой душе, близко к словам Рейсбрука, что второе пришествие вечно совершается в душах святых. И мне кажется, что вокруг этого кружатся стихи Зинаиды Миркиной.

Ей очень близки "Сонеты к Орфею" Р.М. Рильке, его контрапункт страдания и радости, смерти и Воскресения, его осознанное единство движения и покоя. Однако все влияния, которые Миркина испытывает -- только встречи на пути. Чувство слитности бытия и небытия, божьего и человеческого, поту и посюстороннего проходит сквозь ее творчество начиная с внезапного осознания мира, как единого света, испытанного в 19 лет и окрасившего всю ее жизнь, постоянно рождая новые образы, от первых, неловких опытов до стихов в кокетельскую осень 1999 года:

Когда я сделаюсь бесплотной,
Когда я это тело сброшу,
Не жди, чтоб тенью мимолетной
Являлась я из жизни прошлой.
Когда на волю дух отпущен,
Когда он полный мир обрящет,
Я сделаюсь твоим грядущим

И бесконечным настоящим.

Я знаю, что в нездешнем мире,

В невидимом, бесплотном этом,

Вершится расширение шири,

Готовится рождение света.

Идет великая работа,

Невнятная земному слуху,

И эти снежные высоты

Воздвигнуты бесплотным духом.

Да, этот кряж высокогорный

И эти золотые сосны

Воистину нерукотворны

И бесконечно духоносны.

В часы великого затишья,

В священный час касаний божьих

Я буду ждать, что ты услышишь,

Я буду ждать, что ты поможешь.

Началом пути было не литературное влияние, а выход за рамки обыденного сознания, повернутого к "атомарным фактам", внезапное осознание мира как прекрасного целого, вопреки всем фактам. Этот крутой поворот, никем не поддержанный, был по-видимому, началом болезни, едва не окончившейся смертью. Я рискну предположить, что болезнь была вызвана сопротивлением материи, контратакой инерционных сил, стремившихся заткнуть прорыв "нормы", прорыв сквозь духовную слепоту. Это мог бы смягчить духовный врач; но помощника рядом не было. Было только духовное одиночество среди "нормальных" людей и духовное невежество врачей, лечивших чем попало неизвестно от чего. Зинаиду Миркину выписали домой умирать -- и только очень медленно она научилась находить помощь сама, в молитве, в созерцании

красоты Божьего мира и в великом искусстве. То, что она пишет, складывается попутно.

"Сонеты к Орфею" Зинаида Миркина переводила с трепетом и видела в этом одну из своих главных жизненных задач. Образ Орфея вошел в ее собственное творчество, в лирике и в поэме "Семисвечник". Но у нее никогда не было потребности понимать этот образ как замену Христа.

Скорее как обновление, как еще один лик Бога, единого во всех своих ликах. Я думаю, что Рильке разочаровался в церковном Христе, почувствовав тесноту жестких конструкций богословов, вмуровавших в стены храмов гибкие образы поэтов -- духовидцев. Застывшие словесные конструкции мешали ему высказать то, что

Поэзия Зинаиды Миркиной развивалась иначе. Ее образы Христа и Богородицы с самого начала были узнаны сердцем, не скованным никакими догматическими рамками, и жили в царстве поэзии. Она любила повторять слова Тагора к Богу "О, поэт наивысший!" Ее Бог сохранял имена христианского предания, но образ Его развивался не менее свободно, чем образ Орфея у Рильке.

Сказалось, может быть, то, что церковь в те годы была нема и церковные оценки ни над кем не тяготели. Христос и Богородица были пережиты вне церкви. До своего духовного переворота Миркина просто не понимала Евангелия, а после -- прочла как рассказ, в котором она узнавала образы собственной души. Триптих "Богородица" -- достаточно яркий пример. Вынашивание божественного младенца сливается там с ростом дерева и творчеством поэта. В других стихах Христос сближается с образом ее собственной муки, длящейся полвека, и на первый план выходит оставленность Гефсиманской ночи, одинокий человек, почти Иов на своем гноище -- и все же Бог. И все же -- образ нашего большого "Я", побеждающего слабость малого "я", образ бессмертия, побеждающего сквозь муку и смерть.

Вот стихи, написанные в последний год:

Один на один, опрокинут, разбит,

И кажется Богу не нужен.

А лес все шумит, и шумит, и шумит,

А мысли все кружат и кружат.

О, Бога незримого явленный сын.

Все правда, что было, то было.

Скажи мне, легко ли один на один

С несметною адскою силой?

Я вслед за Тобою на муку иду.

И кто там о славе пророчит?

Скажи мне, легко ль в Гефсиманском саду

Глухой нескончаемой ночью?

Легко ли вот так, умываясь в крови,

Без славы, без ангелов Божьих?

А лес все шумит, и шумит о любви.

А сердце... И сердце про то же.

И еще раз о том же:

Ты есть жизнь и воскресенье,

Ты решение задачи.

Что ж Ты сам, как лес осенний,

Как листва под ливнем плачешь?

Что же, Господи помилуй,

Неужели боль не в меру?

И со всей Твоею силой,

И со всей Твоею верой,

Необъятной, беспредельной...

Всемогущий Сыне Божий,

Что ж душа скорбит смертельно

И утешиться не может?

Иль не знаешь о развязке --

О своей посмертной роли?

Нам рассказывают сказки,

Ну а Ты кричишь от боли.

Ну а Ты вобрал все горе,

Мир взвалил себе на спину,

И зовешь идти по морю

Слез Твоих -- и в нем не сгинуть.

У Зинаиды Миркиной есть стихи о дне Браммы, который длится много тысяч лет, о символике Дао в китайской живописи, несколько прекрасных стихотворений о Данае, зачавшей от Божьего света, но ее любимое имя Бога -- это имя Христа. Боль гефсиманской ночи уравнивает только образ Бога, не имеющего имени, никакого образа:

Бесконечность... Бесконечность...

Вот что нас незримо лечит

Прикасаньями своими.

Только кто же даст Ей имя?

И пускай имен у Бога

Так же бесконечно много,

Точно волн у океана --

Бог остался безымянным.

Очертить его не может

Ни одно созданье Божье

Кистью, иль резцом, иль речью,

Ибо Бог наш -- бесконечен.

Опыт суфийской поэзии, более тысячи лет жившей рядом с догматическим исламом, то сталкиваясь с ним, то заключая мир, заставляет думать, что поэтический путь к Богу никогда не станет всенародным. Для этого нужна поэтическая одаренность, а она не становится чаще, чем в прошлом, скорее реже. Большой дорогой развития религии будет скорее постепенное насыщение традиции крупными современными духовными опытами, переданного живым современным языком, как в проповедях и беседах Антония Блума. Но тождество поэзии с откровением всегда находило страстных последователей, и я не думаю, что они когданибудь исчезнут. В поэзии религиозного созерцания тонет несовместимость религиозно философских и богословских систем. В ней рождается чувство, что любая человеческая речь, подсказанная Богом, -- только перевод с божьего на человеческий; и поэтический перевод лучше, чем логически правильный подстрочник, ближе к подлиннику, не доступному человеческому уму. Родство мистической поэзии, мистического искусства разных культур становится прообразом родства великих религий, родившихся в Осевое время и несущих на себе печать Единого Духа.

В поэзии Басё, в живописи Ма Юаня и Сэсю европейцы чувствуют и понимают то, что они не чувствуют и не понимают в философском и богословском изложении. Глядя на Троицу Рублева, я больше понял в тринитарном богословии, чем в трудах святых отцов (и лучше понял сами эти труды). И я убежден, что поэзия веры без догматических границ -- один из путей к вселенской вере, которая сделает прозрачными нынешние границы вероисповеданий.

--